РОВЕСНИК

ISSN 0131—5994

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНИК
ЦК ВЛКСМ И КОМИТЕТА МОЛОДЕЖНЫХ
ОРГАНИЗАЦИЙ СССР

ИЗДАЕТСЯ С ИЮЛЯ 1962 ГОДА

№ 8/83
Август

МАССОВЫЕ АНТИВОЕННЫЕ ДВИЖЕНИЯ — ВАЖНЫЙ ФАКТОР В ПОЛЬЗУ МИРА.

Ю. В. АНДРОПОВ

БУДАПЕШТ. Молодежь Венгрии приняла активное участие в месячнике мира. Молодые жители десяти городов, построенных в последние 38 лет, уже после освобождения страны от фашизма, провели форум мира и обсудили задачи молодого поколения в борьбе против ядерной угрозы. В столице ВНР прошел молодежный марш мира.

ЛИБЛИЦЕ. На совещании национальных комиссий социалистических стран по делам ЮНЕСКО, проходившем в этом чехословацком городе, было принято заявление с призывом к деятелям науки, образования и культуры планеты, к национальным комиссиям по делам ЮНЕСКО возвысить свой голос в защиту мира, против угрозы ядерной катастрофы, за всеобщий мир, дружбу и сотрудничество между народами.

ЧИКАГО. Под лозунгами «Помогите положить конец гонке вооружений», «Спасите человечество» здесь прошла десятитысячная мирная демонстрация. Выступивший на массовом митинге доктор Бенджамин Спок, имя которого известно во всем мире, назвал безумием уверения администрации, что США могут выиграть ядерную войну. В борьбу за мир, против ядерного оружия все активнее включаются и американские школьники. Например, учащиеся одной из школ Эвансвилла (штат Висконсин) устроили антиядерную выставку плакатов, разместив ее в витринах магазина. В письме в городскую газету ребята написали: «Большинство наших учеников боятся ядерной войны. Наша жизнь в постоянной опасности».

На снимке: школьников Сан-Франциско, создавших организацию «Дети учат миру» («Ровесник» рассказал об этом в № 4 за 1983 год), поддерживает все больше ребят в городах и поселках США.

ОТТАВА. Молодежные и студенческие организации Канады объединяют усилия в борьбе за право на мирное будущее. Молодежь требует отказа от испытаний американских ядерных ракет на территории страны, превращения своей родины в безъядерную зону, сокращения восьмимиллиардного военного бюджета. Мирные демонстрации проходят во многих городах страны. Стотысячная манифестация мира состоялась в Ванкувере, объявившем себя зоной, свободной от ядерного оружия. Участники митинга приняли «Ванкуверскую декларацию мира», в которой говорится: «Мы призываем сегодня каждого дать клятву: я никогда не соглашусь на то, чтобы в Канаде испытывали крылатые ракеты. Я люблю эту планету и посвящу всю свою жизнь, чтобы сохранить ее. Я приложу все силы и способности, чтобы спасти мир от ядерной войны».

КОПЕНГАГЕН. Под лозунгом единства всемирного движения за мир против атомной смерти прошла демонстрация в Копенгагене, в которой приняли участие десятки тысяч молодых датчан. Вместе со всеми народами континента они протестуют против намерения вашингтонских военных фанатиков разместить на территории Западной Европы новые виды ядерного оружия и превратить европейские страны в полигон для их испытания.

ПАЛАУ. На островах Палау, расположенных в Тихом океане к востоку от Филиппин, Пентагон планировал создать крупнейшую военную базу для ядерных подводных лодок «Трайдент». Но во время референдума, проведенного по требованию островитян, большинство из них проголосовало против строительства американской военной базы.

МЮНХЕН. В городах ФРГ проходят многотысячные демонстрации. Свыше четырех миллионов человек поставили свои подписи под «Крефельдским воззванием», которое призывает правительство спасти страну от роли заложника США в Западной Европе. 6 тысяч боезарядов, находящихся на территории ФРГ, уже обеспечили этой стране первое место в мире по плотности размещения ядерного оружия. По планам НАТО грозный «рекорд» должен быть увеличен еще на 108 ракет «Першинг-2» и 96 крылатых ракет.

На снимке: демонстрация молодых борцов против ядерного вооружения в Мюнхене.

ЩЕЦИН. Тысячи юношей и девушек из двадцати воеводств приняли участие в патриотической манифестации, которая состоялась в этом польском городе. Участники щецинской манифестации выразили обеспокоенность ухудшением обстановки в мире, ответственность за которое несут прежде всего империалистические круги Соединенных Штатов. Молодежь Польши гневно осудила подготовку к размещению нового американского ядерного оружия в Европе.

ВЕНА. «Предотвратить размещение на европейской земле новых американских ядерных ракет!» — под таким лозунгом прошла в Австрии «Неделя мира». Она была проведена по инициативе ряда антивоенных организаций и при активном участии австрийской молодежи.

ВСЕМИРНЫЙ МОЛОДЁЖНЫЙ ТЕЛЕГРАФ

ХЕЛЬСИНКИ. Необычную мирную демонстрацию провели финские сторонники мира: взявшись за руки, они создали живой «мост» между посольствами стран, подписавших в 1975 году Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. Таким образом, участники демонстрации выразили свой призыв к совместной борьбе народов всех стран за мир, против угрозы ядерной войны, за превращение Севера Европы в безъядерную зону.

ФЛОРЕННА. В этом бельгийском городе состоялась манифестация против размещения американских ракет на территории Западной Европы, за превращение континента в безъядерную зону. В манифестации приняли участие почти все взрослые жители города, более десяти тысяч человек.

ГААГА. Делегаты съезда Партии труда, крупнейшей оппозиционной политической организации Нидерландов, проголосовали против размещения американского ядерного оружия в своей стране, потребовали превратить Европу в зону мира.

ТОКИО. Преподаватели, деятели культуры, врачи проводят кампанию за превращение столицы Японии в безъядерную зону. На пресс-конференции в университете «Хосей» профессор Танума заявил, что присутствие на японской земле американских военных баз грозит превратить страну в ядерный полигон США, как это уже было в 1945 году, когда города Хиросима и Нагасаки подверглись атомной бомбардировке. Токийцев поддержали жители Окинавы, где прошла трехтысячная демонстрация протеста против военной политики администрации Рейгана под лозунгом «Спасем Японию от опасности превращения в арену ядерной войны». Мирные манифестации проходят во многих городах страны.

На снимке: памятник жертвам атомной бомбардировки 1945 года в Нагасаки стал традиционным местом сбора японских борцов за мир.

ЛИССАБОН. В Португалии состоялась общенациональная встреча сторонников мира. Ее участники призвали всех людей доброй воли своей страны независимо от политических и религиозных убеждений расширять массовые акции за мир и жизнь против ядерной войны.

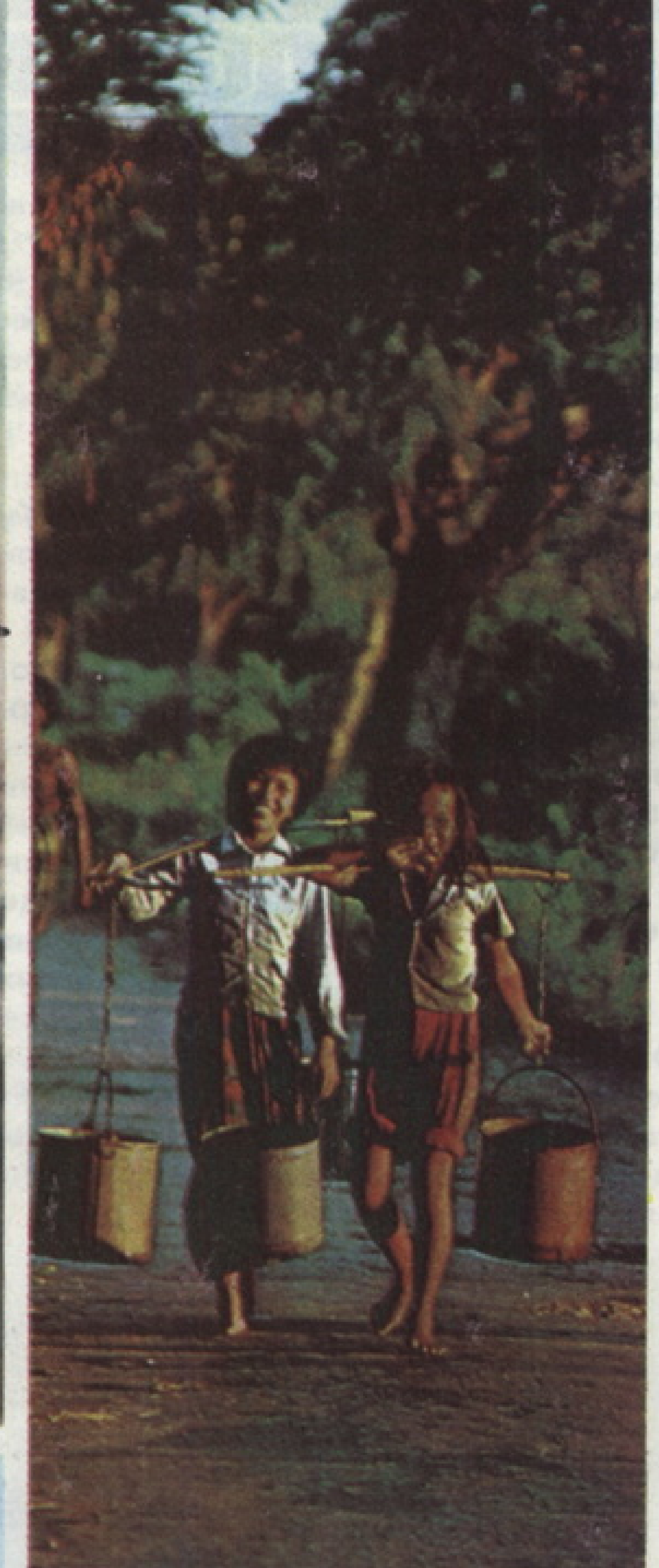
СССР: свыше 70 миллионов молодых рабочих, колхозников, служащих, студентов и школьников отметили День советской молодежи 26 июня участием в антивоенной акции «Я голосую за мир!».

ЛОНДОН. Десятки тысяч юношей и девушек, многие популярные певцы, поэты, музыканты и рок-группы приняли участие в прошедшем здесь фестивале мира, организованном Молодежным движением за ядерное разоружение. Очистить Великобританию и всю землю от ядерного оружия — такую задачу ставят перед собой английские борцы за мир. В последние месяцы численность этой организации выросла во много раз, по всей стране возникают все новые отделения Молодежного движения за ядерное разоружение, сейчас их уже более трехсот. Несмотря на развернутую правительством яростную пропагандистскую кампанию против английских сторонников мира, движение за «будущее без страха» получает все более широкую поддержку. Недавний опрос общественного мнения показал, что больше половины жителей столицы приветствуют объявление Лондона зоной, свободной от ядерного оружия.

На снимке: разгон одной из десятков мирных демонстраций, проходящих по всей Великобритании.

Кампучия сегодня

Она вся была концлагерь, эта страна: три миллиона человек погибли от террора, голода и эпидемий. Но та Кампучия уже прошлое, страшная память, как и этот музей — бывшая тюрьма Туол Сенг, где погибли под пытками 16 тысяч политических заключенных (хранитель музея Инг Пех, вы его видите на снимке, один из семи человек, которым удалось выжить). О прошлом напоминают и недобитые банды полпотовцев, совершающие вылазки с территории Таиланда. Но главное сегодня другое — Кампучия, которая строит новую жизнь и привыкает к радости.

Французский журналист Даниэль Руссель недавно побывал в Кампучии, разговаривал с людьми, которые возрождают к новой жизни свою родину. Вот что они рассказали.

Им Соти, сотрудник министерства просвещения: «Перед правительством Хенг Самрина стояла грандиозная задача. Дети моложе 10 лет никогда не ходили в школу, 14-летние забыли, как читать и писать, 16-летние имели самые смутные воспоминания о годах учебы. Но уже через четыре месяца после изгнания полпотовцев 900 тысяч школьников начали занятия. Не хватало учителей, не было помещения, парт,

учебников, тетрадей, но дети учились. Сегодня более 1,5 миллиона человек учатся, работает 4 тысячи школ. Сейчас основная забота — подготовка учителей. Они занимаются в 19 провинциальных центрах, двух центрах в Пномпене и в Институте технической подготовки. Начата кампания по ликвидации неграмотности среди взрослых».

Буа Шуонг, председатель народно-революционного комитета провинции Ротанакири: «Восстановление больниц, создание сельских лазаретов, санитарных центров способствует снижению смертности и росту рождаемости. Мы построили здесь силами населения больницу из бамбука, чтобы иметь возможность помогать больным малярией и дизентерией, особенно много случаев этих заболеваний в сезон дождей. Полпотовский режим пережили всего 50 врачей. И это на всю страну. Сейчас врачей тоже не хватает. На краткосрочных курсах мы готовим санитаров. Добрая воля, энергия, самоотверженность медиков творят чудеса».

Мен Хан, житель города Крати: «При полпотовцах в 1974 году жители Крати были согнаны на рисовые плантации. Мы работали по 16 часов в день и вечером получали пригоршню сырого риса. Каждый день умирало по нескольку человек. После изгнания полпотовцев в 1979 году одичавшие, боявшиеся собственной тени, мы вышли из джунглей, где прятались от «красных кхмеров», и бродили как потерянные по дорогам. Ни дома, ни семьи — у нас не было ничего. Запуганные до смерти, мы боялись людей и, увидев соотечественника или вьетнамского солдата, снова прятались. Мы бы погибли с голоду, если бы не вьетнамские солдаты. Они ставили на краю дороги миски с рисом, а сами уходили. Мы, как дикие звери, выходили из леса и накидывались на рис. И снова прятались. Так продолжалось, пока мы не поняли, что нам ничего не грозит».

Даниэль Руссель: «Жители Крати с поразительным энтузиазмом восстанавливают свой город. Растут урожаи риса, уловы рыбы, создаются ремесленные мастерские, небольшие промышленные предприятия. В Крати сейчас больше школ, чем было при Сиануке. Во времена принца слово «крестьянин» было синонимом «бедняка». Режим Пол Пота был бы невозможен без огромной массы этих неграмотных, воспитанных на мифах людей.

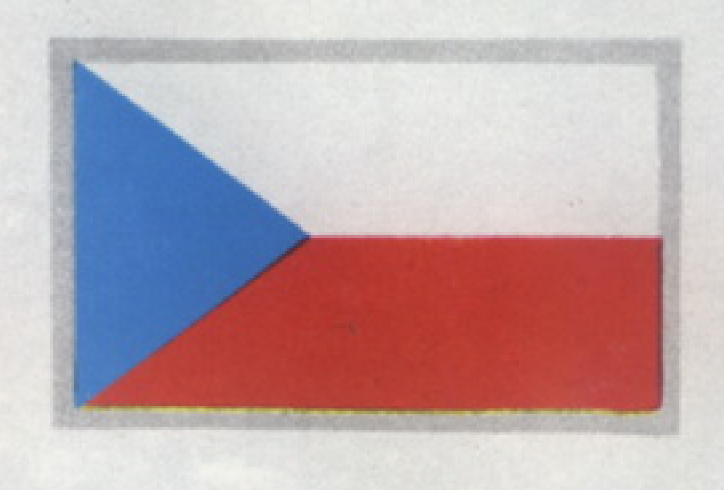
Крати еще не обрел своего былого значения. Люди предпочитают жить на окраинах, на границе с джунглями. Но шумит на берегу Меконга красочный яркий рынок. Сверкают белизной зубы улыбающихся продавцов и покупателей, смеются девушки, заигрывая с парнями, лица детей не кажутся голодными или напуганными. Выход из мрака полпотовского кошмара был бы невозможен без веры народа в свое будущее, без удивительной жизнестойкости. Успехи Кампучии радуют ее друзей и удивляют недругов».

Перевел с французского М. АНДРЕЕВ

Мы стремимся... к качественно новому уровню экономической интеграции. Без нее уже сегодня невозможно представить себе жизнь стран социалистического содружества. В перспективе же интеграция станет все более глубокой, всеохватывающей и эффективной, надежно обеспечивая укрепление национальных экономик стран-участниц. На это направлены наши совместные усилия.

Ю. В. АНДРОПОВ
(Из речи на июньском (1983 г.) Пленуме ЦК КПСС)

Опыт друзей

ИСПЫТАНИЕ НА КАЧЕСТВО

Иржи ФРАНЕК,
чехословацкий журналист

Сразу за заводскими цехами торчат как верблюжьи горбы два холма. Снизу вверх и поперек холмы изрезаны дорогами с шоссейным покрытием и вовсе без покрытия, с рытвинами и ухабами, которые иначе как «смерть автомобилю» и назвать нельзя. Это испытательный полигон, его устроили, чтобы создать грузовикам «татра» немыслимо плохие условия. Водители сменяются каждые два часа, а грузовики продолжают колесить по полигону до тех пор, пока не сломаются. Потому что изо всех испытаний для грузовых машин самое важное — на выносливость.

Легенда

Едва вступив в вестибюль административного здания завода «Татра» в Копрживнице, человек понимает, что он стоит лицом к лицу с легендой. Это понимают и все рабочие завода, «татравцы», как они называют себя.

В вестибюле стоит памятник идее, которая вот уже шестьдесят лет известна как «концепция «Татры»,— великолепный образец технической мысли, реализованной умелыми руками чешских рабочих. Для нас, далеких от техники посетителей, это всего лишь старый грузовик, типичная «татра» с заостренным носом, таких ветеранов можно увидеть в музеях старых машин. В 1923 году эта «Татра-11» совершила небольшой переворот в автомобилестроении. Невероятное стало реальностью, появилась грузовая машина с удивительной для того времени проходимостью, способная преодолевать любое бездорожье. Глядя на этого праотца современных грузовиков, мы с трудом можем понять, что в нем так восхищало и удивляло наших дедов.

Но между тем удивлялись все, в том числе и сами «татравцы». Концепция, задуманная для снижения себестоимости производства, оказалась весьма перспективной и в той области, на какую она и не замахивалась. «Татра-11» стала одной из самых выносливых машин своего времени. Местная легенда утверждает, что название «Татра» родилось в 1929 году в Татрах. Придумали его татранские горцы, когда впервые в жизни увидели грузовик, который умеет лазить по горам. Эта история скорей всего родилась гораздо позже, потому что «татра» 30-х годов умела несравненно меньше, чем сегодняшняя. Своего высшего уровня марка «Татра» достигла уже в послевоенное время, в социалистической Чехословакии.

Но легенды не только рождаются, они растут и взрослеют. Легенда, называемая «Татра», оправдала себя в сложнейших испытаниях: «татра» участвовала во многих совместных стройках СЭВ в Советском Союзе. Она работала в таких условиях, по сравнению с которыми испытательный полигон на верблюжьих горбах казался детским садом. Сибирские морозы под 50° Цельсия, жара Каракумов, глубокий снег и глубокие броды — «татра» оказалась способна одолеть все виды климата и ландшафта. Рудники, нефте- и газопроводы, железные дороги, новые города — все начинается с подготовки коммуникаций, по которым мог бы двигаться обычный транспорт. В подготовке же коммуникаций на многих стройках первой шла «татра».

Новая легенда, называемая «Татра», тоже имеет свой памятник. Далеко на востоке, в Магаданской области, в маленьком поселке стоит на каменном постаменте «Татра-111». Такие памятники заслужили и «Татра-138», и «Татра-148». Это тоже безотказные работяги.

О сибирской службе «татр» сделан полнометражный фильм. Естественно, «татравцы» своим детищем гордятся и очень чувствительны к его славе. Обидеть «татру» — это обидеть весь коллектив и каждого «татравца» в отдельности от зеленого слесаренка, полгода назад пришедшего на завод, до ветерана, который не уходит на пенсию, потому что думает: «татра» без него не сможет обойтись. Короче говоря, «татравцы» считают «татру» лучшей машиной. Они необъективны? Конечно. Но любовь редко бывает беспристрастной. А «татравцы» любят свой грузовик.

Когда однажды в интервью чехословацкому журналисту советский водитель-сибиряк назвал лучшей другую марку машины, на заводе это восприняли как сигнал бедствия. Значит, «татра» уступила свое первенство. Легенда, традиция, слава, гордость — все это прекрасно, но в международной торговле свои законы: здесь главное технические параметры. У каждой новой модели они, разумеется, лучше, и новая модель с годами вытесняет с завоеванных позиций устаревшую. «Татравцы» горели желанием вернуть своему грузовику репутацию первоклассного экспортного автомобиля.

Перестройка

Председатель заводского комитета Социалистического союза молодежи (ССМ) Ирко Шпачек водил нас по цехам. Их очень много, и они слишком велики, чтобы обойти все зараз. Для непосвященного посетителя это еще и небезопасно. Непрестанное движение машин, самодвижущихся тележек, платформ по территории, заполненной ящиками, стройматериалами, готовой продукцией — грузовиками и различными их частями. Весь завод одновременно и стройплощадка. Вот уже одиннадцатый год.

В январе 1983 года начался серийный выпуск долгожданной модели «Татра-815». Эта машина завершает многолетнюю перестройку завода: новые цехи, новая технология, новый грузовик — и новая слава. Я же хочу рассказать, какой труд и какие трудности пришлись на долю завода и его людей, прежде чем пошла новая модель.

В 1971 году специальная комиссия СЭВ приняла решение о расширении и специализации завода: грузовик «татра» должен был вернуть утраченные позиции. Международный инвестиционный банк выделил на это дело средства. В 1972 году началась перестройка. Речь шла об увеличении выпуска продукции с неполных восьми до пятнадцати тысяч машин, о модернизации и превращении производства в самое современное и одновременно — о разработке новой модели.

Идем по монтажному цеху, мимо построенных, но еще не работающих складов, оснащенных ЭВМ. Сюда переехало и, когда я был на заводе, еще переезжало оборудование тысячи ста различных наименований. Трудно себе представить, как можно такую махину, как новый цех, ввести в действие на полную мощность, не останавливая производства. Через тепловую завесу, в потоке горячего воздуха входим в монтажный зал, и Ирко нам рассказывает, как в январе 1982 года «татравцы» начали тут работать, когда еще не было отопления и все металлические части обжигали холодом. Не было ни жалоб, ни отказов от работы. Гордость и преданность своему заводу двигали людьми. Все годы, пока шла перестройка, правилом на заводе было: люди работают на своих местах, а по окончании смены идут помогать на стройку или помогают вселяться в новые помещения машинам и станкам. Только члены ССМ в 1982 году отработали после смены 122 тысячи часов, в дополнение к этому каждый коллектив принял обязательства сократить сроки перестройки и ускорить выпуск новой модели.

Весь завод живет заботами перестройки и подготовкой к серийному производству модели «Татра-815». Участвовать в выпуске 815-й — это нечто большее, чем обычная работа. Все делают всё и с постоянным энтузиазмом. Делают больше, чем должны, и даже больше, чем от них ждут.

Председатель местного комитета профсоюза строителей и заместитель секретаря строительной первичной организации КПЧ Мирек Слатинский рассказывал: «Самые большие трудности у нас были с рабочей силой, строителей постоянно не хватало: то бетонщиков меньше пришлют, чем обещали, то монтажников. Если бы не «татравцы», не знаю, чтобы мы делали. А «татравцы» за эти годы освоили все строительные специальности». Это правда. Еще в ноябре 1982 года члены ССМ не стали ждать, когда приедут обещанные монтажники, а сами в нерабочее время смонтировали все оборудование воздухоподачи. Но не всегда были виноваты и строители. Они опаздывали, потому что заказчик — завод «Татра» — не освободил стройплощадку. А завод не освободил площадку, потому что там стоит цех, где идет работа, и план никто не отменял.

Новые цехи, новая технология, новая машина — и все это вместе, и все это сразу, и все это без остановки производства — такое испытание на выносливость выдержал коллектив.

Добровольный ревизор

В Копрживнице на завод мы приехали по приглашению. Вообще-то приглашений было два. Ирко Шпачек вместе с Героем Социалистического Труда ЧССР Густавом Ланжхотским приехали в редакцию и пригласили корреспондентов журнала «Млади свет» на завершение перестройки самого крупного объекта в истории чехословацкого автомобилестроения. Второе пришло по почте от Мирека Веселого, который писал о недостатках на своем участке, о них он неоднократно сообщал начальству, а дело ни с места. Он писал, что крыша протекает и дождь попадает на электрооборудование, что из старых станков капает на пол масло, а новые, за которые плачено валютой, бездействуют.

Мирек Веселый неуемный человек, он бунтует из-за каждой неполадки: то на собрании выступит, то в местной газете «Татру» (завод) «опозорит». Мирек руководит одним из лучших на заводе молодежных коллективов. Он не брюзга, а человек дела, кроме дела, его ничего не трогает, а дело для него — честь заводской марки. «Татра» должна быть лучшим в мире грузовиком и никак не меньше.

Кстати, наибольшее беспокойство у Мирека вызывает импортный сверлильный станок. Денег он стоил кучу, а теперь простаивает: нет для него сверл. Их тоже надо покупать за валюту, и они очень дорогие. Идея Мирека заключается в том, чтобы сверла делать самим. Члены ССМ из инструментального цеха, он уверен, справятся.

Что касается остальных его жалоб, то, пока мы приехали, он уже сам добился их решения. Но я уверен, что Мирек найдет еще какие-нибудь неполадки и будет долбить до тех пор, пока не добьется своего. На заводе у него репутация ревизора, к нему прислушиваются.

Легенда — продолжение

Антонин Вурст работает в конструкторском бюро. До недавних пор занимался коробкой скоростей. Когда начали «готовить» «Татру-815», он перешел в группу, которая решала основную техническую концепцию новой машины. Мой вопрос к нему был такой: «Перестройка завода продолжалась одиннадцать лет, менялось ли за это время что-нибудь в новой модели?»

— Техническую документацию мы подготовили вовремя,— сказал Антонин Вурст.—Но, поскольку строительство цехов запаздывало, было решено продолжить испытания машины в труднопроходимых районах Советского Союза. Во время испытаний возникли проблемы, которые мы разрешили до начала серийного выпуска. Безусловно, это имело влияние и на изменение технологии.

Люблю я ясную речь технически мыслящих людей. Да, конструкторы немного запоздали с работой над новой моделью, зато теперь заводу не придется на ходу вылавливать блох. В 815-й блох нет.

Еще я спросил у конструктора, что он больше всего ценит в 815-й. Прежде всего, оказывается, общую концепцию.

— Какие в грузовике самые интересные детали, чем он отличается от других, в чем его новизна? — спросил я.

Вурст немного подумал, потом сказал:

— Амортизация передней оси. Это позволяет создать полностью новую концепцию автомобиля. Главное отличие новой «татры» в том, что в ней объединены преимущества автомобиля с мотором, выступающим вперед (прошу простить дилетантскую терминологию, но хочу, чтобы и непрофессионалы меня поняли), например, Т-148, и трамбуса (машины без выступающего вперед мотора). Таким образом вместо двух типов грузовика, каждый из которых имел свои преимущества, будет выпускаться один универсальный, что и экономичнее и выгоднее.

В своих деталях 815-я собрала все лучшее, что есть сегодня в производстве грузовых машин: новый мотор, новая коробка скоростей, несколько десятков усовершенствований, некоторые части машины лицензионные, оказалось, что они лучше из всего, что есть. А 815-я должна быть сделана только из самого лучшего.

Почему должна? Объяснение очень просто: последние испытания 815-й заключались в сравнении ее параметров с параметрами тех машин, которым отдал предпочтение советский водитель-сибиряк. И оказалось при этом последнем испытании, что параметры 815-й или лучше (в большинстве случаев), или равны конкуренту.

Без остановок

«Татра-815» пройдет до первого капитального ремонта 420 тысяч километров по асфальту и немного меньше по бездорожью, причем завод гарантирует стабильную работу мотора. По сравнению со 148-й моделью 815-я имеет в три раза большую эксплуатационную надежность и для нее нужно вполовину меньше запасных частей. У нее такая удобная кабина, что водители скоро избалуются и откажутся работать на других машинах. Короче говоря, такой грузовой машины в настоящий момент нигде на Западе нет. И не лишен интереса тот факт, что первый заказ с Запада на «Татру-815» пришел из ФРГ.

Испытание на выносливость идет без остановок. А конструкторы в Копрживнице уже думают над новыми моделями. Завершился только один из многих этапов соревнования за честь марки. Соревнования, которое всегда идет по очень строгим правилам: технические параметры выпускаемых автомобилей, производительность труда и экономический эффект. В прошедшее десятилетие завод и его люди подготовили выигрыш на этом этапе соревнования, прошли испытания на выносливость. Критерий для них всегда был прост и ясен: «татра» не может быть «приличной среднеевропейской машиной». «Татра», созданная в рамках СЭВ, должна быть лучшей в мире.

Перевела с чешского Д. ПРОШУНИНА

ИНДЕЙЦЫ АМЕРИКИ И ИНДЕЙЦЫ В «АМЕРИКЕ»

«Положение американских индейцев по отношению к другим этническим группам Соединенных Штатов в наши дни укрепилось как никогда. Специфический легальный статус американских индейцев, включающий подопечный характер их земель, рыболовные и охотничьи права, права на водные ресурсы и полезные ископаемые, племенные суды, племенное правительство и так далее, был укреплен американским законодательством. В последние десятилетия были осуществлены правительственные программы медицинской, культурной и материальной помощи индейцам. Общеобразовательный уровень индейцев чрезвычайно возрос, доход, хотя еще и уступает среднему по стране, тоже значительно вырос».

Уилком УОШБЕРН, директор Отдела по изучению Америки Смитсоновского института в Вашингтоне. Журнал «Америка», февраль, 1983 год.

«В руках у нас — четырнадцать шнурков лилового вампума (разновидность предметного письма индейских племен Северной Америки, состоит из раковин, нанизанных на шнуры.— *Ред.*). Один за другим мы передаем их вам — авторам многих учебников американской истории; писателям, кропающим дешевые, лживые, насквозь фальшивые сенсационные романы; и прочим писателям, благодаря которым молодые американцы получают искаженное представление о нашем народе, красной расе Америки; вам, создатели многих ковбойско-индейских фильмов и телевизионных программ; нарушителям договоров, которые с наслаждением грабят индейские народы и попирают священные договоры, возводя на индейских землях плотины; и тем гражданам этой страны, которые склонны возвеличивать славу своих предков, замешивая ее на крови нашего древнего народа».

Арен АКУЭКС, индейский писатель. «Четырнадцать шнурков лилового вампума — тем, кто пишет об индейцах», 1981 год.

В феврале этого года журнал «Америка» опубликовал подборку материалов, озаглавленную «Права американских индейцев». В нее входил и фотоочерк «До́ма, в резервации». Если судить по фотографиям подборки и подписям к ним, лучшего дома, чем резервация, индейцам не сыскать — любой неиндеец позавидовать может. Да и с правами индейцев дела в США обстоят просто замечательно. Так, во всяком случае, утверждает журнал «Америка» — издание, рассчитанное на «внешний рынок», то есть на читателя, который не имеет возможности лично познакомиться с действительным положением дел на месте. А что пишут о жизни в резервациях и вообще о правах индейцев США в тех американских книгах и журналах, которым труднее скрыть от читателей правду? Вот, к примеру, еженедельник «Виллидж войс» (кстати, сугубо буржуазное издание). Примерно за полгода до «Америки» там появилась статья журналиста Яна Стайтса, посвященная той же теме — жизни индейцев в резервациях. Нам показалось любопытным сравнить и эти два материала, и фотографии, опубликованные журналом «Америка» и западногерманским журналом «Гео».

Резервация «Уорм-Спринг», как она описана журналом «Америка»: «У двух индейских малышей есть все основания спать спокойно в своих традиционных люльках, пока другие члены их племени смотрят, как поблизости собирают стадо. Они живут в резервации американских индейцев, расположенной в центре штата Орегон. **Эта резервация — образец** (выделено ред. «Ровесника») экономической и социальной независимости индейцев...

Конфедерация племен, куда входят

Участники очередного «Марша выживания» перед Капитолием. Более ста представителей коренного индейского населения — самого бесправного и угнетенного национального меньшинства США — прошли маршем по десяткам городов страны с целью еще раз привлечь внимание общественности к бедственному положению тех, кому по праву принадлежит американская земля.

Фото и подпись из итальянского журнала «Эуропео»

Племенной совет (вверху), руководящий всей деятельностью резервации, регулярно собирается в здании своего главного управления (в самом верху).

племя уаско, уорм-спринг и паиут, владеет 144 000 гектаров леса. Здесь растет дугласова пихта и желтая сосна — основа не только прежних, но и нынешних экономических успехов Конфедерации.

Продажа лесо- и пиломатериалов, а также фанеры составляет 60 процентов годовых доходов резервации, достигающих 50 миллионов долларов. Другой важный источник доходов — курорт «Ка-ни-та», где можно получить отличный ужин в шикарном мотеле, где есть площадки для гольфа, тенниса, финские бани, где можно ловить форель, кататься верхом и плавать в бассейне олимпийского размера».

Резервация «Пайн-Ридж», как она описана еженедельником «Виллидж войс»: «Это повторяется каждое утро. Юджин Белый Сокол, пятидесяти одного года от роду, встает, надевает джинсы и ковбойку, заплетает в косы длинные седеющие волосы, включает телевизор и смотрит на оранжевые стены маленького типового домика, пытаясь придумать, чем бы занять день. В «Пайн-Ридж» **самой типичной из типичнейших резерваций** (выделено ред. «Ровесника»), насчитывающей 12 тысяч обитателей, дел немного. Недавние сокращения федеральной программы резерваций оставили без работы 600 с лишним индейцев, подняв и без того высокий уровень безработицы до 75 процентов. В резервации нет ни кинотеатра, ни прачечной, ни книжной лавки, ни магазина одежды, ни обувных мастерских. У индейцев есть скот, но бойня отсутствует, равно как и промышленно-торговый центр для переработки и продажи местного урожая.

Короче говоря, никакой экономики нет. Пособие получают лишь немногие счастливчики. Как и большинство жителей этой резервации, Юджин Белый Сокол вырос в хижине. Света и воды в доме не было, но был сад, лошади, коровы. Потом, в пятидесятых и шестидесятых годах, власти понастроили в резервациях маленькие аккуратные коробки-домики и подбили индейцев, таких же, как Белый Сокол, продать хозяйство, оставить сады, переехать в типовые дома и сдать землю внаем. Многие так и сделали. Теперь сидят они в своих домиках с водой, светом, телевизором и... без дела. Смотрят из окон

Резервация вырабатывает электроэнергию

на грязные квадратные дворы, где растут, кажется, только куски ржавого железа.

Раз в год «землевладельцы» вроде Белого Сокола получают от скотопромышленников, арендующих их землю, плату: по 3 доллара за акр! Многие из них члены ультраправой вооруженной организации, которая борется против индейцев».

Журнал «Америка»: «В числе других племенных предприятий — небольшой сборочный завод, рыбоводная инкубаторная станция и 30-миллионная гидроэлектростанция со среднегодовой выработкой 80 миллионов киловатт-часов...»

Еженедельник «Виллидж войс»: «Племени никогда не удавалось создать собственных предприятий. Фабрики по производству удочек, сувениров и электротоваров прогорели. Причина того — ненадежность правительственных фондов. Не в силах найти работу и использовать по назначению свою землю, многие индейцы занимаются тем же, что и Юджин Белый Сокол. «Я пью,— признается он, отводя глаза.— И тогда забываю про безделье».

Журнал «Америка»: «Достигнув возраста 60 лет, члены племени получают пенсию от Конфедерации в размере 100 долларов в месяц, а по достижении 65 лет — 150 долларов. В любом возрасте они имеют право пользоваться племенными фондами, добавляемыми к федеральным и штатным субсидиям, которые идут на медицинское обслуживание, строительство домов, развлечения, образование и профессиональное обучение».

Еженедельник «Виллидж войс»: «У Белого Сокола есть дядька, зовут его Фрэнк Убей Врага. Ему восемьдесят шесть лет. Фрэнк Убей Врага живет один в хижине. Стены покрыты бумагой, которая еле держится на гвоздях. В щели задувает холодный ветер. Света и воды нет.

К концу месяца у Убей Врага едва хватает еды. Хижину давно пора латать. Если бы не молодежь, которая приносит дрова, Убей Врага замерз бы насмерть.

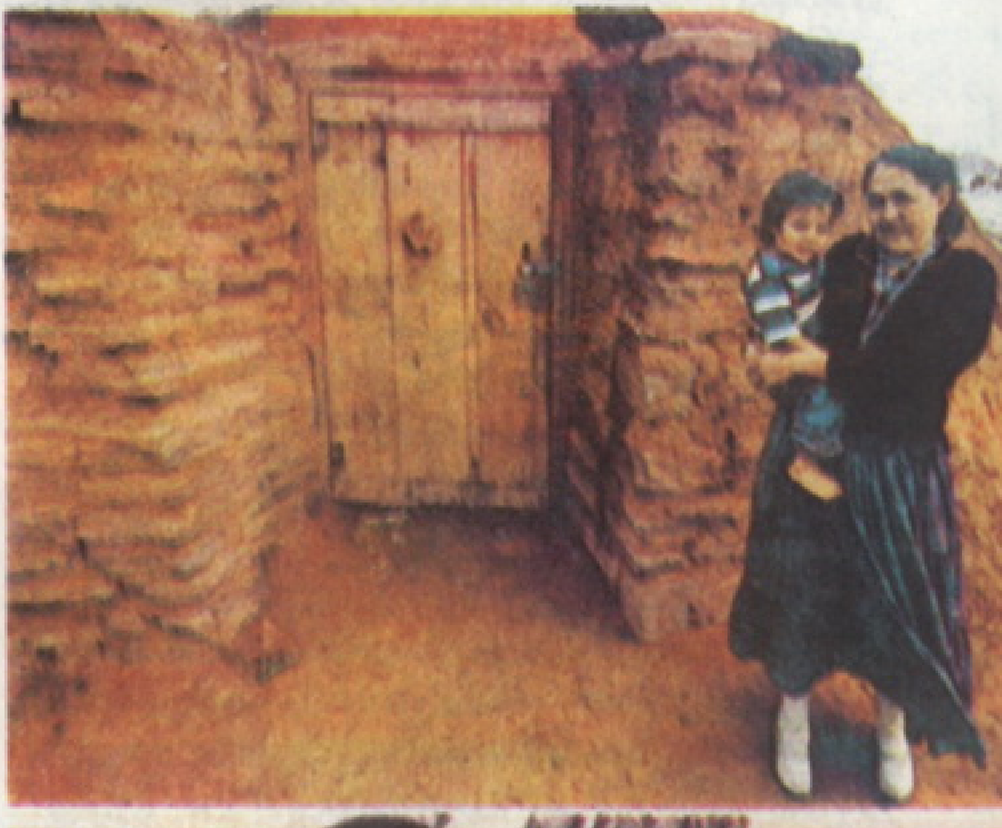
«В прошлом году была засуха,— говорит Фрэнк Убей Врага,— так правительство выделило крупным фермерам кучу денег на рытье колодцев для коров. А нам ни гроша. Мы сами пытались наладить водоснабжение, но для этого нужна техника, которой у нас нет. Похоже, властям коровы дороже».

Подруга Белого Сокола, Клаудиа Серый Сокол, тоже сидит без воды. Она живет на вершине холма, и воду приходится таскать из ручья чуть ли не за милю от дома.

Клаудии пятьдесят один год. С тех пор как два года назад она вернулась в резервацию — в городе ей и внучкам нечем было платить за жилье — Клаудиа не прекращает поиски работы. Безуспешно. Хотя в свое время Клаудиа получила диплом медсестры.

Дома, в резервации

Так живут в отведенной для них резервации в Аризоне индейцы племени навахо. Они живут в хижинах, изнутри хижины сделаны из бревен, сверху покрыты землей. Белые добывают на землях навахо уран и уголь, а индейцам достается шлак — и алкоголь, который белые поставляют им в избытке.
Журнал «Гео», ФРГ

Три тепловые электростанции день и ночь задымляют землю навахо. Уголь добывается в резервации, а электричество идет к белым в Техас и Калифорнию. А на территорию, где живут индейцы, ежедневно оседает миллион двести тысяч тонн ядовитых отходов.
Журнал «Гео», ФРГ

Клаудиа, два ее сына и три внучки живут в хижине. Преимущество хижины в том, что за нее не надо платить. Типовой же дом стоит от 185 до 315 долларов в месяц, а Клаудиа и внучки живут на пособие по безработице. (Это 164 доллара в месяц плюс кое-какая еда. 30 долларов она платит за свет, на эти же деньги она должна покупать одежду и кое-какие продукты питания, не входящие в паек.) Но она еще считается устроенной лучше других.

Журнал «Америка»: «Я очень счастлив здесь и не хотел бы жить в другом месте,— говорит индеец Эверетт Миллер, который родился и вырос в резервации «Уорм-Спринг». Эти чувства Миллера совпадают с чувствами его жены Корделии и трех их сыновей — Эрика (15 лет), Эмерсона (13) и Трейвиса (4).

Семья живет в современном комфортабельном доме. В этом доме восемь комнат и гараж на две машины. Они купили его в декабре 1981 года за 58 000 долларов. Миллеры внесли аванс — 3000 долларов, а остальную сумму взяли в рассрочку на тридцать лет в кассе взаимопомощи резервации».

Еженедельник «Виллидж войс»: «Зять Белого Сокола Сьерра собирает из бисера ремешок для часов, аккуратно отсчитывает темно-синие бусинки. Он полагает, что на эту кропотливую работу уйдет два дня. «Нечем тут больше заняться,— говорит Сьерра.— Работы нет. Только и остается, что ездить на попутках к друзьям да напиваться».

И Сьерра, и Белый Сокол жили за пределами резервации и все же вернулись в нее. Вернулись к безработице, жестокости властей, полиции и судов. Зачем же?

«Я тут родился,— отвечает Белый Сокол.— И предки мои лежат в этой земле». Связь коренных американцев с землей — это некая духовная концепция, непонятная большинству неиндейцев. В традиционной индейской культуре земля — одушевленное существо, которое до́лжно чтить. Могилы предков делают территорию резервации священной.

Вторая причина, по которой индейцы остаются в резервации, заключается в том, что почти никто из них не принял «американской мечты». Индейцы ценят людей не по количеству накопленных ими денег, а по тому, сколько они отдают другим.

Мы сидим в маленькой оранжевой комнатке типового домика. Сьерра начинает петь древнюю индейскую песню. Он барабанит пальцами по столу, притопывает ногой... Юджин Белый Сокол невидящим взором уставился на экран телевизора — идет передача «Сверхгерои». Недавно Белому Соколу повезло: его наняли на временную работу. Теперь ему есть чем заняться в будни. Надолго ли?»

Перевод выступления Арена АКУЭКСА сделан М. ЗАГОТОМ. Подборку из еженедельника «Виллидж войс» сделал А. ШАРОВ.

Индеанка племени навахо в своем доме. В землянке нет, естественно, ни электричества, ни воды. Эта женщина больна, но медицинскую помощь ей оказать некому.
Журнал «Гео», ФРГ

Семья Миллеров (слева направо): Трейвис, Эверетт, Эмерсон, Корделия и Эрик у телевизора.

Кавада чуть раздвинул фусума — решетчатую перегородку, оклеенную непрозрачной рисовой бумагой,— и тихо сказал:

— Гляди, Асано-кун. Третий слева.

Человек в идеально отутюженном костюме пристально посмотрел сквозь узкую щель, потом негромко заметил:

— Хилый какой-то. Да и трусоват, наверное. Весь блестит от пота.

Кавада задвинул фусума и жестом предложил Асано пройти в другую комнату. Там уже был накрыт низенький столик. Асано, скинув пиджак, поджав ноги, сел на одну из подушек, лежащих на полу вокруг столика. Кавада сел напротив и, расправив кимоно, сказал:

— Не беспокойся, Асано-кун. Он сделает.

Жадно глотая пиво, Асано быстро посмотрел в глаза Кавада, потом кивнул.

— Как его зовут?

— Тэцуо.

Тэцуо чувствовал, как бешено колотится сердце. Он облизнул губы и воровато вытер вспотевшие ладони о новенькое белое кимоно, специально выданное по такому торжественному случаю. Больше всего он боялся, что кто-нибудь заметит его страх. Поэтому Тэцуо изо всех сил таращился на Мурата, стоявшего перед их шеренгой. Тэцуо надеялся, что Мурата прочитает в его глазах личную ему, Мурата, преданность.

Но Мурата не смотрел на него. Казалось, он молится. На самом деле Мурата наблюдал за бледными лицами двадцати юношей, ожидавших его команды.

Один за другим они подходили к столу. С нарочитым безразличием надрезали мизинец, стараясь не вздрогнуть, не показать своего волнения. Тэцуо, всегда боявшийся боли, лишь поцарапал палец. Его подпись на большом листе рисовой бумаги была почти незаметной. Когда последний из двадцати расписался кровью, Мурата торжественно произнес:

— Сегодня вы обрели право именоваться настоящими сынами Ямато. Вы прошли испытательный срок и заслужили право вступить в наше общество «Боевая группа Великой Японии».

В комнате, где проходил обряд посвящения, была особая акустика, и голос Мурата, отраженный глухим эхом, вновь и вновь вонзался

Когда умер Будда

Леонид МЛЕЧИН

в уши новичков. Тэцуо жадно вслушивался в слова Мурата, упивался ими, они возвышали его в собственных глазах.

— Будьте достойными наших великих предков, не выпускавших меча из рук. Наша цель — отменить позорную конституцию, навязанную Японии иностранцами, разогнать парламент и политические партии, упрятать коммунистов и социалистов за решетку. Поклянитесь, что ни перед чем не остановитесь ради достижения великой цели.

Тэцуо не очень хорошо понимал, что именно имел в виду Мурата. Слова были слишком абстрактны для него, но Тэцуо почувствовал ненависть ко всем, кто был другим, кто не принадлежал к «Боевой группе Великой Японии».

Когда принесли только что сваренный и остуженный рис и острые маринованные овощи, что означало конец трапезы, Асано вытер руки горячей салфеткой и вернулся к разговору:

— Я буду ждать у входа на станцию Синагава, словом, через дорогу от отеля «Пасифик». Пусть твой человек передаст мне груз и сразу уходит. Кому ты это поручил?

— Конечно, Мурата. Он здесь единственный с головой. Остальные все всерьез принимают. Дурачки вроде этого Тэцуо.

Асано, кряхтя, поднялся. Он переел и теперь мучительно отрыгивался. Прислуживавшая за столом женщина помогла ему натянуть пиджак.

— Ровно в половине первого ночи, чтобы я не ждал. Понял? — уже в дверях повелительным тоном кинул Асано.

Кавада кивнул. Когда Асано ушел, он приказал позвать Мурата.

Засунув руки в карманы потрепанных брюк, Тэцуо небрежной походкой возвращался домой. Около своей бывшей школы он увидел стайку школьников и презрительно скривил губы. Отныне он принадлежал к миру избранных.

Он мог пройти напрямик через школьный двор, но, поколебавшись, выбрал дальний путь: Тэцуо никогда не признался бы себе, но он боялся встретиться со своими бывшими одноклассниками. Его считали доносчиком и не раз били. Но вспоминать об этом не хотелось. Куда приятнее думать о вчерашнем, когда он так отличился.

Вчера рано утром их собрал Мурата. Как обычно, он долго вглядывался в лицо каждого, а потом сказал:

— Подлые враги нашего Движения пытаются опорочить наши великие идеи. Одна из этих паршивых газетенок посмела оскорбить наше Общество. «Боевая группа Великой Японии» должна ответить достойным образом.

Затем всех повели вниз на склад. Там Янаги, помощник Мурата, дал каждому длинный металлический прут, завернутый в бумагу. У подъезда их поджидал микроавтобус, но не обычный — с громкоговорителями и лозунгами,— а неприметный, синего цвета, без окон. В автобус набилось человек пятнадцать, было тесно.

Минут тридцать они петляли по токийским закоулкам, пока не остановились. Прежде чем открыть дверь, Мурата сказал:

— Сейчас спокойно, по одному поднимитесь на второй этаж, где типография. Крушить направо и налево. Разбейте там все, что есть. Пусть запомнят...

Янаги первым вылез из автобуса и пошел к автоматически раздвигающимся стеклянным дверям редакции. Когда Тэцуо понял, что от них хотят, он мгновенно покрылся холодным потом. За такие проделки по головке не погладят. Больше всего Тэцуо хотелось бы улизнуть. Он сделал неуверенный шаг в сторону, но сзади кто-то прошипел:

— Убежать хочешь?

Ребята с одинаковыми бумажными свертками в руках мгновенно заполнили залитый ярким светом цех. Тэцуо испуганно вжался в стену.

Янаги выхватил тонкий стальной прут и ударил по телевизору. Кинескоп лопнул, осыпавшись стеклянными брызгами. Несколько рабочих ошеломленно подняли голо-

вы. Янаги опустил прут на зеленоватый экран дисплея, разбил стеклянную перегородку между станками.

Типография наполнилась грохотом и треском. Члены «Боевой группы Великой Японии» с ожесточением крушили станки. Только теперь Тэцуо понял, что за мешки были в микроавтобусе: распоров полиэтилен, двое ребят засыпали ротационные машины песком. Весь пол был усеян битым стеклом, обломками каких-то неизвестных Тэцуо приборов.

Когда он увидел, как от удара лопнул телеэкран и никто не тронул Янаги пальцем, в Тэцуо что-то произошло. Теперь он не подпирал стену, а сладострастно орудовал прутом, ничего не замечая вокруг. С почти музыкальным звоном лопнули сразу несколько лампочек, посыпались куски белого плафона.

— Что ты делаешь? — пожилой рабочий схватил его за шиворот и развернул к себе. Вся храбрость Тэцуо мгновенно улетучилась. Опустив прут, он жалобно улыбнулся.

— Я, собственно...

Неожиданно за спиной рабочего возникла мощная фигура Янаги. Тэцуо не успел понять, что произошло, как рабочий рухнул на пол. Янаги исчез, и несколько секунд Тэцуо опасливо наблюдал за лежавшим, не встанет ли он. Но человек лежал неподвижно. Тэцуо осторожно ткнул его ногой. Потом еще раз, еще. Тэцуо с остервенением пинал его. Он испытывал какое-то наслаждение, наблюдая, как болтается из стороны в сторону седая голова. И ударил стальным прутом по этой голове. В общем грохоте он не услышал тупого звука, но увидел красную полосу, перечеркнувшую лицо рабочего.

В автобусе Тэцуо вырвало. Возбужденные удачной акцией, остальные брезгливо смотрели на него. Кто-то предложил заставить Тэцуо вылизать пол в автобусе, и все одобрительно загоготали.

Но Мурата похвалил Тэцуо. Причем не с глазу на глаз, а при всех, громогласно. Тэцуо ожил. Мурата тут же разрешил ему пройти торжественный обряд вступления в общество, чтобы он стал полноправным членом «Боевой группы Великой Японии».

Вечером Тэцуо со страхом смотрел по телевизору передачу о разгромленной типографии: между разбитыми станками мелькали полицейские в мундирах. Он немного успокоился, когда телекомментатор сказал, что токийское полицейское управление не знает, кто ответствен за эту акцию.

Перед обрядом посвящения один из ребят тихо, чтобы не слышали остальные, спросил:

— Слушай, ты газету-то читал? Из-за которой мы типографию...

Тэцуо холодно посмотрел на него:

— А зачем?

Тот отодвинулся и больше с Тэцуо не заговаривал.

В тот же день поздно вечером Тэцуо разбудил звонок. Телефон всегда стоял у постели — так велел Мурата. Сонный Тэцуо поднял трубку. Мальчишеский голос пробормотал длинную фразу, которая постороннему человеку показалась бы лишенной смысла. Тэцуо сразу стал одеваться: это был условный сигнал сбора.

Мурата раскатал на столе плотный лист бумаги. Тэцуо склонился над ним и тут же поднял глаза:

— Я ничего здесь не понимаю.

— Поймешь,— отрезал Мурата.— Смотри, это подземный гараж отеля «Пасифик». Из автомобиля выйдет человек с пакетом. Убьешь его. Возьмешь пакет. Здесь дверь, через которую поднимешься в отель. За дверью направо маленький лифт на первый этаж. Там передашь пакет Янаги, вернешься назад — тебя уже будет ждать машина. И все. Получишь двести тысяч иен.

Тэцуо лихорадочно соображал. Таких денег он никогда не держал в руках. Он надеялся стать богатым и сильным, вступая в «Боевой отряд Великой Японии». Ему нравилось разъезжать в пропагандистских автобусах, выкрикивать во всю глотку антикоммунистические лозунги. Но убить человека?.. Почему именно он, Тэцуо!.. А если полиция докопается...

— Забыл о клятве? — прошипел Мурата.— А ты знаешь, что тебя ждет, если мы сообщим в полицию, как ты рабочего в типографии прутом...

— Нет, нет! Я... согласен.

Почтительно поклонившись и опустив глаза, Асано докладывал:

— Абсолютно чистое дело, сэнсэй. К тому же останемся совершенно в стороне. Люди Кавада пронюхали о курьере, который привезет порошок. Но без нас они не смогут его реализовать. Поэтому Кавада предлагает следующее: он сам проведет операцию. Порошок отдаст нам. Он просит пять миллионов иен, сэнсэй. Стоит принять предложение. Нам ни к чему ссориться с людьми Вадо. И так мы слишком много потеряли людей.

Договорив, Асано осторожно поднял глаза. Перед ним сидел пожилой человек в дорогом кимоно. Он рассеянно перебирал крупные жемчужины, которыми до краев была набита лаковая шкатулка.

— Дай пятнадцать миллионов. Не жалей. То, что делает Кавада, полезно для нас.

Асано молча кивнул и вышел.

Тэцуо усадили на заднее сиденье. Стекло с правой стороны было опущено, и Тэцуо видел узкую дверь, соединявшую подземный гараж с отелем «Пасифик». Через несколько минут сюда приедет неизвестный, выйдет из машины, откроет дверь, и тут Тэцуо должен выстрелить. В своей меткости он не сомневался. Несколько месяцев их учили стрелять инструкторы, которых приводил Мурата. На всякий случай на переднем сиденье сидели два члена «Боевого отряда». Один из них Янаги. Он, как обещал Мурата, подстрахует Тэцуо.

Тэцуо погладил рукоятку пистолета, эта штука дает ему право повелевать. Он сильный... Но если его поймает полиция? Может быть, улизнуть?.. Он взглянул на сидевших впереди. Коротко остриженные затылки, широкие плечи. Оба вооружены. Он зябко поежился, бесполезно. Хотя чего ему бояться? «Боевой отряд Великой Японии» выручит его из любой беды. Мурата всегда повторял: истинные сыны Ямата никогда не бросают товарищей в беде. Тэцуо вспомнил, сколько раз Мурата спасал членов «Боевого отряда», у него большие связи в полиции...

Вмонтированное в приборную панель коротковолновое переговорное устройство щелкнуло и заговорило:

— Он подъезжает. Он подъезжает,— сказал незнакомый голос.

Стриженые затылки зашевелились. Янаги повернулся к Тэцуо и внимательно посмотрел на него. Тэцуо снял пистолет с предохранителя.

Мягко зашелестели шины, и прямо у двери остановился голубой «цедрик». Человек вылез из машины, взял сверток, аккуратно завернутый в фирменную бумагу универмага «Кэйхин», и пошел к две-

ри. Тэцуо поднял пистолет. Он увидел, как черная мушка вонзилась прямо в середину светло-серого пиджака, и нажал на курок. Человек рухнул. Тэцуо растерянно посмотрел на Янаги.

— Давай,— кивнул тот.— Бери пакет и возвращайся. Мы тебя ждем.

Тэцуо поднял аккуратный пакет и посмотрел на светло-серый пиджак. Он не промахнулся. Тэцуо перешагнул через труп и вошел в отель. Как только за Тэцуо захлопнулась дверь, машина, в которой он приехал, выехала из гаража.

Тэцуо вызвал лифт и ждал. Вытащил из кармана куртки вчерашнюю газету и завернул в нее сверток. Лифт мягко тронулся и быстро остановился. Первый этаж. Дверь раскрылась, и Тэцуо увидел Мурата.

— Вы?

Мурата вошел в лифт, вырвал у Тэцуо пистолет и выстрелил ему в голову.

Мурата осмотрел свой костюм, проверяя, не осталось ли на нем следов крови, бросил пистолет поближе к скорченному телу Тэцуо, взял сверток и вышел. По дороге он снял резиновые перчатки, не оставляющие отпечатков пальцев, и спрятал их в карман.

Мурата вышел из «Пасифика» и пошел направо к переходу. Было уже поздно, он не встретил ни одного прохожего. Редкие машины проскакивали на полном ходу. У станции Синагава он передал Асано пакет и, взяв такси, отправился домой.

— Это чистый героин, сэнсэй. Выручка будет даже большей, чем мы предполагали,— в неизменно почтительной позе докладывал Асано.

Он был доволен: операцию они с Кавада провели чисто. Потери: один дурачок из общества. Ничего, Кавада завербует себе еще. Красивые слова, красивые ритуалы, немного карманных денег, что еще надо шпане, которая болтается без дела.

Асано уселся в мягкое кресло, распустил узел галстука. Было уже далеко за полночь. Он посмотрел на календарь и хмыкнул. Вот и слушай после этого суеверных людей. Сегодня ведь буцумэцунити. Несчастливый день по буддийскому календарю. День, когда по преданию умер Будда.

А все так хорошо получилось, подумал Асано.

Марчелла АНДРИОЛИ,
итальянская журналистка

Главное - не промахнуться

Он назначил мне встречу по телефону. Третья платформа железнодорожного вокзала. Город я, по понятным причинам, не назову. Я боялась, что не узнаю его, хотя он объяснил, как будет выглядеть, но нет, вот он, совершенно такой, как на фотографиях. Он — это Роберто Сандало, первый из раскаявшихся террористов. Он был условно освобожден меньше года назад и с тех пор, спасаясь от вендетты бывших единомышленников-террористов, колесит по Италии.

Едва я подошла к нему, он сразу сказал: «Давайте уйдем отсюда, здесь легче всего на них наткнуться, они долго не засиживаются на одном месте...» Мы находим полупустое кафе и садимся за столик в углу.

Роберто Сандало и Патрицио Печи, два террориста, своими признаниями нанесли сильный удар по терроризму. Благодаря показаниям Роберто были обезврежены сотни членов «Прима линеа» (террористической группы левацкого толка), раскрыты многие преступления, предупреждены еще не совершенные. Отец Роберто, рабочий «Фиата», умер, когда сын был в тюрьме. Лучший друг Роберто — сын одного из лидеров христианско-демократической партии и руководитель «Прима линеа» Марко Данат Каттин.

— Какой вам представляется ваша дальнейшая жизнь?

— Они поклялись, что все равно рано или поздно рассчитаются со мной. Я должен быть осторожным, я знаю — они не шутят. Я не могу оставаться на одном месте более 10—15 дней, не могу два раза подряд заходить в одну и ту же пиццерию. Не могу посещать кино, театры, не могу встречаться ни с кем из родных...

— С вами в одной камере был Альдо Тизей, террорист правого толка. У вас не возникали разногласия из-за различия политических позиций?

— Нет. Потому что для нас политика не имеет значения, главное — действовать. Мы верили в террористический миф: наша организация всесильна, надо действовать, и мы перевернем мир. Стрельба для нас была способом существования.

— Как вы стали террористом?

— Этот вопрос мне задавали часто. Я могу дать такой ответ: наше поколение было лишено духовных ценностей, мы видели, что государство враждебно к нам, вообще ко всем, мы хотели мгновенно изменить все. Потом мы впали в страшное заблуждение — поверили в неминуемость катастрофы. Мы рассуждали примерно так: близится третья мировая война, и мы должны приложить все усилия, чтобы вырвать Италию из блока НАТО, террором разбудить людей от обывательской спячки. Красивые слова, чувство общности с такими же отверженными, как каждый из нас, увлекали нас...

— Когда в апреле 1980 года вас арестовали, вы все еще верили в эти... «красивые слова»?

— В какой-то мере да. Я уже вышел из «Прима линеа» и вошел в группу, созданную незадолго до этого Марко Данатом Каттином. Эта группа, скрываясь от правосудия, собиралась переместиться во Францию. Мне такое решение не нравилось. Я считал, что нельзя все бросить и бежать. Я уже не был тем уверенным непобедимым бойцом, как раньше. Вскоре меня арестовали. А через пять дней после ареста я начал помогать следствию.

— Почему?

— Я начал говорить. Я освободил себя от тяжелого внутреннего груза. Я рассказал о самых крупных преступлениях. Кто знает, почему я скрыл некоторые ограбления? Я признался в них только потом.

— Преступления, о которых вы рассказали, были очень тяжелыми?

— Да, я и сегодня не могу забыть убитого мною полицейского-регулировщика. Это произошло 13 июля 1979 года. Вместе с другими членами нашей группы я поехал в Друенто, один из городов провинции Пьемонт, мы должны были ограбить банк. Нужно было разоружить двух охранников. С первым все прошло гладко, а второй сопротивлялся. Я ударил его пистолетом, из дула вылетела пуля (мой палец был на спусковом крючке). Она попала в регулировщика. Он был недалеко от выхода. Вначале мы и не заметили... Потом я увидел кровь...

Я должен был вести машину и не мог, я плакал как ребенок. Все кричали, уже слышались полицейские сирены... Помню все, как сейчас...

— Если бы вас не арестовали, что бы вы делали?

— Ждал ареста... Я не хотел скрываться. Я думаю, я уже тогда не верил в вооруженную борьбу, какую мы вели... Просто еще не осознавал это до конца.

— Вы знали, что секретные службы имеют контакт с террористами?

— Мы не столько знали о вмешательстве секретных служб в наши дела, сколько подозревали. Некоторые из наших бойцов, например, вели жизнь не по средствам. Я думаю, что сегодня ситуация ухудшилась, вмешательство стало активнее. Подумайте сами, каждые полгода кажется, что терроризм наконец задушен, и вдруг появляются новые группы. И не только левые. Правый терроризм тоже очень силен. Я должен опасаться и его представителей.

Я думаю, терроризм на руку определенным политическим силам, поэтому он так живуч...

— Теперь многие арестованные террористы раскаиваются в своих преступлениях. Почему?

— От отчаяния. С отчаяния они вошли в организацию, в отчаянии действуют в ней, в отчаянии они, когда их арестовывают. Достаточно их немного потрясти, чтобы они начали говорить. Отчаянием можно объяснить и зверства. Армия террористов раздирается внутренней враждой.

— Но так было всегда...

— Раньше это было в основном из-за политических вопросов, сегодня — из-за власти. Ради того чтобы добиться власти, внутри организации идут на самые низкие дела...

— Случается, что террористы входят в контакт с каморрой? [1]

— Сплошь и рядом.

— Что бы вы сказали парню, которого сегодня втягивают в вооруженную борьбу?

— Терроризм — всего лишь иллюзия для дураков, которых сначала одурачили, а потом сунули в руки автоматы и продолжают дурачить. А те, кому это надо, мир менять не собираются, им и в этом хорошо.

После интервью мы идем с ним вместе по улице.

— Не знаю, что сейчас делать,— говорит он. Вдруг Роберто берет меня за руку и спрашивает: — Вы знаете, люди предчувствуют, что их собираются убить! Они ускоряют шаг, становятся беспокойными, и видно, что они боятся. Я помню, как однажды в Турине моя группа зашла в кафе, чтобы убить бармена. Мы еще даже не вытащили пистолеты, а он посмотрел на нас, и во взгляде такой ужас, потом он побледнел, заметался...

— Вы помните все?..

— Да, постоянно. Я спросил тогда у Мауриче Биньями (террорист «Прима линеа», обвиненный в восьми убийствах), как он может с такой легкостью убивать? А он совершенно спокойно ответил: «Нажми курок, и все напряжение спадет. Главное — не промахнуться».

Сокращенный перевод с итальянского А. МУДРОВА

---

[1] *Каморра — неаполитанская мафия.— Примеч. пер.*

В 1979 году в Никарагуа победила революция. «Революцией мальчишек» назвали ее. Тем, кто сражался против Сомосы, было 16—20 лет. Страшное наследство оставила диктатура революционной республике. Сожженные деревни, нехватка продуктов, предметов первой необходимости, медикаментов, неграмотность. До революции больше половины никарагуанцев не умели ни читать, ни писать. За три года в стране сделано для народа больше, чем за сто лет всеми прежними правителями. Никарагуа теперь страна сплошной грамотности. Общедоступным стало медицинское обслуживание, проводится аграрная реформа, строятся детские сады, школы. Народ потянулся к знаниям, к культуре, к творчеству. Но недолгой была мирная жизнь молодой республики. Против Никарагуа развернута вооруженная агрессия. Контрреволюционные банды сомосистов, прошедшие подготовку под руководством советников из ЦРУ в лагерях на территории Гондураса, стремятся утопить революцию в крови, не дать никарагуанцам строить новую жизнь. Цель агрессии не скрывается — спровоцировать открытую войну Гондураса с Никарагуа, вызвать широкое американское вмешательство. Революционный народ не дрогнул перед интервенцией. Рабочие, крестьяне, студенты берутся за оружие. Тысячи добровольцев записываются в отряды народной милиции. Слишком дорогой ценой досталась победа революции Никарагуа. Народу, познавшему свободу, есть за что сражаться.

светает
пение птиц с рисовых полей
выпь начинает свой танец любви
колибри пьет из цветка нарцисса
игуана застыла на скале как
памятник самой себе
чичилтоте летит против ветра
выбивается из сил
но долетит до неба [1]

Их было тридцать пять человек. Пришли все, даже Антонио, хотя дома у него лежала при смерти мать. Они собрались у Сальвадора, в большом пустом доме на берегу. Тяжелые волны разбивались прямо под окном.

Сидели на полу, мебели не было никакой. За этот месяц Сальвадор продал все — шкафы, стулья, телевизор, книги, сам дом,— все, что осталось ему от родителей. Окна были закрыты, чтобы не мешал шум прибоя, все курили, в комнате стояла плотная пелена.

Это было их последнее собрание. Расходились ночью, крепко жали друг другу руки. Шли молча. Вдруг кто-то встал на голову и зашагал на руках, сверкая в лунном свете пятками. Почти всем было по шестнадцать.

На эту ночь Маркос остался у Саль-

---

[1] *Здесь и далее стихи Маркоса Переса в переводе Оксаны Фаис.*

На снимках (сверху вниз): военный парад отрядов сандинистской армии в Манагуа перед отправкой на борьбу с интервентами; герой очерка Маркос Перес; демонстрации сандинистской молодежи под лозунгом «Свободная родина или смерть!»; в знак протеста против политики США, разжигающих контрреволюционную интервенцию, народ сжигает чучело «дяди Сэма».

Смерти нет

Михаил ШИШКИН

вадора. Завтра им предстояло ехать вместе.

Они лежали на полу, положив под головы кулаки, слушали, как ворочается в темноте океан, и смотрели, как медленно наползает на них лунный квадрат окна с перекрестием рамы.

— Знаешь,— сказал Сальвадор,— я пытаюсь себе представить, как все будет, если меня вдруг убьют,— и не могу. Наверно, это невозможно, чтобы меня убили.

Он повернулся на спину, широко разбросал руки.

— Ведь это невозможно, что меня убьют. Никак невозможно. Просто не может такого быть.

В шесть часов они уже стояли на остановке и ждали первого утреннего автобуса. Его долго не было, потом наконец пришел, набитый битком так, что они еле втиснулись. В автобусе люди говорили о бейсболе и погоде. В кабине шофера работало радио. Так они ушли в партизаны.

Дома на столе в кухне Маркос оставил записку.

«Мама, пойми меня. Это смысл моей жизни. Если я погибну — я погибну счастливым».

Обыкновенный рейсовый автобус увозил их в горы. Они ничего с собой не брали, ни вещей, ни еды. Они ушли в партизаны в джинсах, легких рубашках и сандалиях на босу ногу.

Они все хотели сражаться в одном отряде, все тридцать пять, но их разбили на несколько групп. Группа Маркоса собиралась в Эстильо. Оттуда проводник провел их в горы. До партизанского лагеря шли три дня.

Лагерь оказался маленькой хижиной в лесу. В отряде было всего шестнадцать человек. Оборванных, обросших, больных. Командир Марио, у него не было одной руки, должен был сказать новобранцам речь. Сначала он долго смотрел на них, медленно переводя взгляд с одного на другого. Потом сказал:

— Мы живем здесь уже три года,— сказал он.— Мы живем здесь в горах, как собаки. У нас нет ничего, нет оружия, нет медикаментов, нет пищи. Мы спим на голой земле и жрем землю. Но мы не уйдем отсюда, пока не победим или пока нас всех до одного не убьют.

Он сжал своей единственной рукой автомат и потряс им в воздухе.

— Свобода или смерть!

Победа пришла потом. Сначала была смерть. Много смертей.

Из тридцати пяти их останется в живых только пять.

ты была счастлива
тебе дали оружие и тяжелые
солдатские ботинки
военная форма превратила тебя
из девушки в солдата
только твои волосы
пахнущие цветущим земляничным
деревом
и твои глаза цвета кофе
выдавали тебя
вечером вы уехали на задание

всю ночь я сидел под дряхлым
сухим стволом чиламате
утром вернулся ваш грузовик
я стоял и смотрел как с него
спрыгивают солдаты
но с вами была девушка
прошептал я
но с вами была девушка
сказал я
но с вами была девушка
закричал я

Маркос учился на втором курсе института в Леоне[1]. Перед лекцией к нему подошел Ирам Бенито Гомес и сказал, что хочет поговорить с ним. После занятий они пошли в городской парк. Наменяли мелочь и остановились у игральных автоматов.

Ирам сказал, что уже давно присматривается к нему и хочет, чтобы Маркос вступил в его группу.

Маркос долго молчал и смотрел, как Ирам стреляет по бегущим фигуркам на телеэкране. Фигурки исчезали одна за одной.

— Нет,— ответил тогда Маркос.— Я боюсь.

Через несколько дней в институте отменили лекции. Маркос видел, как по коридору солдаты вели преподавателя географии. Потом раздался выстрел. Солдаты застрелили его прямо на улице перед зданием института. В тот же день он пришел к Ираму и попросил, чтобы его приняли. Маркосу тогда было пятнадцать. Он решил бороться.

На собраниях они читали книги, говорили о диктатуре, о Сомосе, о свободе. И о том, что иного выхода, кроме борьбы, нет.

На одном митинге, где они раздавали листовки, их окружила полиция. Сальвадор сунул Маркосу свою пачку и ввязался в драку, чтобы дать ему возможность уйти. Забежав за угол, Маркос налетел на полицейского, поскользнулся и упал. Листовки разлетелись по асфальту. Полицейский выхватил пистолет и направил его Маркосу в лицо. Тот зажмурился, чтобы не видеть дуло, и вдруг почувствовал — штаны стали мокрыми и горячими.

Полицейский схватил его за шиворот и отшвырнул, наподдав сапогом.

— Беги отсюда, щенок!

В лагере их обучали три месяца. Они собирали и разбирали оружие, бегали, падали, стреляли, перевязывали друг друга стираными бинтами. Они нетерпеливо спрашивали командира Марио, когда будет первый бой. Маркос дал себе слово убить в нем хотя бы одного врага.

Потом был первый бой. Они долго шли цепью по лесу. В зарослях залегли и лежали, пока не стемнело. По приказу открыли огонь и побежали вперед. В темноте замелькали вспышки выстрелов. Бой длился несколько минут, потом партизаны отошли назад.

В лагере к Маркосу подошел командир Марио.

— Что с тобой? — спросил он.

— Я плохой партизан. Я должен был убить сегодня солдата, а даже ни одного не видел.

Командир Марио положил свою руку Маркосу на голову и крепко прижал ее к своему плечу.

По ночам, когда все спали и иногда кричали во сне, Маркос писал стихи. Тетрадки не было. Он записывал их на листках бумаги и раздавал друзьям или рассовывал по карманам. В карманах бумага быстро стиралась в труху. Друзья один за другим погибали.

В Никарагуа есть праздник День дерева.

В маленькую школу, где учился Маркос, пришел инспектор. Он сказал, что среди городских школ проводится конкурс на лучшее стихотворение о дереве. Все желающие могут принять в нем участие. Когда инспектор вышел в коридор, в приоткрытую дверь было слышно, как он говорил директору — надежда на этих оборванцев маленькая, но приказ управления по делам образования надо исполнять.

— Замечательное стихотворение, Маркос,— сказал директор, когда закрыл тонкую ученическую тетрадь. Он потрепал Маркоса за ухо.— А теперь скажи честно, мальчик, откуда ты его переписал?

— Но, господин директор, я сочинил это сам!

— Нехорошо обманывать взрослых, Маркос.— Директор снова открыл тетрадку.— Посмотри, здесь же нет ни одной грамматической ошибки!

Стихотворение Маркоса было признано лучшим в школе. Теперь он должен был читать его на городском конкурсе.

Один за другим поднимались на сцену нарядно одетые мальчики. По рядам волнами пролетал шепот: «Это Мигель, сын Варелы, издателя городской газеты... Это Мануэль, сын Хименеса, владельца магазинов...» Дольше всех аплодировали сыну начальника городской полиции.

Когда Маркос поднялся на сцену, он больше всего боялся, что все сразу увидят, как заштопаны сзади его штаны, и изо всех сил тянул вниз кофту старшей сестры.

Стихотворение Маркоса заняло первое место. Домой он принес премию — книгу Рубена Дарио и красивый альбом для стихов. Всю ночь он лежал с закрытыми глазами и думал о том, какой он счастливый.

Потом День дерева кончился. На следующее утро к ним в дом пришел инспектор и сказал, что первая премия присуждена Маркосу ошибочно, и сказал, что Маркос не сочинил стихотворение, а списал его. Маркос стал показывать инспектору черновики, но тот даже не взглянул на них.

— Ну, хотите,— сказал Маркос,— я напишу еще?

— Не надо,— ответил инспектор.— Конкурс уже закончился.

Он взял книгу, альбом и ушел. Первую премию получил сын начальника полиции.

Своего первого солдата Маркос убил только через несколько месяцев. Вместе с Рамоном, тощим долговязым парнем, Маркоса послали в разведку. Надо было проверить, охраняется ли мост. До моста они не дошли — в лесу неожиданно натолкнулись на солдат.

Солдаты загорали. Они лежали на солнце голые, сняв с себя все, что делало их солдатами. Один стоял и, отмахиваясь от москитов, пил кока-колу. Высоко поднятое донышко блестело на солнце. Маркос прицелился. На конце мушки прыгал голый толстый живот. Несколько мгновений Маркос не мог спустить курок. Тут он заметил, что из леса выходит офицер, он перевел дуло автомата и выстрелил.

Маркос и Рамон побежали. Сверху сыпались ветки, срезанные пулями. Рамон вдруг остановился и сел на четвереньки. По его спине быстро расползалось темное пятно. Маркос взвалил Рамона на себя. Длинные ноги волочились по земле.

Потом, в лагере, Маркос увидел, что вся его рубашка в крови. Кровь засохла, и материя царапала кожу, как кора.

по берегу океана шел пастух
возле сломанной мачты
выброшенной вчерашним штормом
блеснула на солнце цепочка
старик отряхнул от песка и
положил на ладонь
маленький морской амулет
чайку
с раскрытыми ветру крыльями
с коралловыми сжатыми лапками
с клювом поднятым вверх
талисман погибших моряков
чайка

Зиму отряд провел в деревне Сантильяс. Вместе с крестьянами Маркос работал целыми днями. На выступы горы землю носили в мешках. Когда Маркос брал в руки мотыгу, он перевешивал автомат за спину.

Однажды крестьяне попросили его прочитать, что написано в газете. Маркос стал учить их грамоте. Бумаги, карандашей не было. Писали палочками на песке. Потом из города удалось привезти несколько букварей. К Маркосу приходили всей деревней. Учился даже 70-летний старик Хамар. Он просил Маркоса, когда кончится война, приехать к ним жить в деревню и стать его внуком.

Группа Маркоса захватила пленных и привела их в деревню. Кто захотел остаться с партизанами, остался, остальных отпустили. Они дали слово не поднимать оружие против своего народа.

Оглядываясь, все еще не веря в свое освобождение и ожидая пулю в затылок, они уходили в лес. Дойдя до зарослей, побежали.

Это произошло через неделю. Лагерь партизан был уже в другом месте.

[1] *Институт в Никарагуа соответствует старшим классам средней школы в СССР.— Примеч. авт.*

Прилетели самолеты и разбомбили Сантильяс.

Когда Маркос подходил к тому месту, где была деревня, он увидел на земле Хамара. Старику снесло половину черепа. Он бежал к лесу, но его настиг осколок. В руках у старика был букварь. Он хотел спасти самое дорогое, что у него было.

Больше пленных Маркос не отпускал. Один раз они захватили офицера. Командиром отряда был уже Маркос — однорукий командир Марио погиб. После допроса Маркос сам отвел офицера в лес. Он мог бы приказать это другим, но пошел сам.

...Она назвала себя Таней. Так звали подругу Эрнесто Че Гевары, которая поехала вместе с Че в Боливию и там погибла. Она пришла, когда отряд стал быстро расти.

В отряде было много девушек. Жить в горах, голодать, спать под открытым небом им было труднее. Ночью Маркос слышал, как они плачут. Днем они шли в бой наравне с мужчинами.

Однажды, когда было холодно, а зажечь костер нельзя, и ребята и девушки сидели в темноте, скорчившись на земле, Таня стала читать стихи.

— Чьи это? — спросил потом Маркос.

— Мои.

под апельсиновым деревом
мы спим положив автоматы
под голову
после боя нет сил смыть с себя
грязь и кровь
я хочу написать тебе письмо
но у меня нет ни карандаша
ни бумаги
и ты здесь рядом
под апельсиновым деревом
я смотрю на звездное небо и
пишу тебе письмо
я запечатаю его сургучом луны
и утром проснувшись
ты прочтешь сквозь ветви
о моей любви

О своей любви они говорили в будущем времени. Кончится война, и они вместе будут учиться. Кончится война, и они поженятся. Кончится война, и они построят себе свой дом. Кончится война, и они будут счастливыми.

Во время восстания в Леоне, первого, закончившегося поражением, Маркос держал под обстрелом улицу, в конце которой засели солдаты. Когда кто-нибудь показывался из-за домов, он открывал из пулемета огонь.

Была уже ночь. Шли третьи сутки боев. Группа, которую вела Таня, неожиданно ударила в обход. Солдаты быстро отступили. Сняв берет с головы и размахивая им, Таня вышла из укрытия, чтобы дать сигнал своим. «Мы уже здесь»,— хотела крикнуть она.

Маркос дал очередь по фигурке, еле различимой в темноте.

Таня бросилась на землю и несколько раз перекувырнулась, как учил ее Маркос. Пули взбили вокруг нее уличную пыль.

Когда Маркос прибежал, Таня все еще лежала в пыли. Маркос поднял ее и что есть силы прижал к себе. Они целовали друг другу измазанные в грязи лица и плакали.

Тогда, во время первого восстания в Леоне, в сентябре 1978 года, погиб Сальвадор.

Отряд получил задание захватить аэродром. Шел ночной дождь. Они брели цепочкой, по колено в воде. За спиной, за домами и деревьями росло по небу зарево от горящего нефтехранилища. Им удалось с ходу выбить солдат, но закрепиться на аэродроме они не смогли. Партизаны попали под сильный минометный огонь и стали отходить. Одна мина разорвалась там, где бежал, отстреливаясь, Сальвадор. Ему оторвало ногу и распороло живот. Маркос подбежал к нему. Сальвадор схватил его за руку и что-то кричал, но что, разобрать было нельзя. Потом рука Сальвадора ослабла, Маркос подхватил его автомат и побежал к своим.

Они снова пришли в Леон через год. Теперь их ждала победа.

Как только закончились бои, Маркос прибежал домой. Он не был здесь три года. Дом стоял пустой. Когда война пришла в город, мать с младшими детьми перебралась к родственникам в деревню. Маркос оставил ей записку, как тогда, на столе в кухне.

«Мама, я скоро вернусь — после победы».

В тот же день их послали в Ла Пасентро, оттуда в Нагароте. Один за другим партизаны освобождали города по всей стране. Это были последние бои. Ребята погибали, не дожив день до победы. Хосе Бенито Нуньесу был 21 год. Хуану Хосе Альваресу — 20. Франсиско Арольдо Урей — 18.

Когда смолкли выстрелы в Нагароте, их посадили на грузовики и отправили в Манагуа, последний оплот Сомосы. Но они опоздали, в Манагуа была уже новая власть. После вспышки ошеломляющей радости, когда все кричали, танцевали, целовались, плакали, наступила вдруг тяжелая, давящая усталость. Спали прямо на земле, улеглись там, кто где стоял.

В воспаленной от недельной бессонницы голове Маркоса роились обрывки будущих стихов. День дерева. Сальвадор, на полу пустого дома, распятый луной. Рубашка, ставшая корой от засохшей крови. Ладонь, что пытается поймать пули. Таня, которой он целует черные от грязи руки. Люди, бредущие в дожде и зареве по огненному морю, все еще такие живые и промокшие.

После трех лет жизни в горах чистая постель, горячий завтрак, свежая газета, лекции в институте показались счастьем. Но к счастью быстро привыкаешь. Целыми днями он читал. В горах было не до книг. Теперь надо было наверстывать упущенное.

По субботам он ходил в открывшуюся в Леоне школу поэтов. Поэтические кружки организовывались теперь повсюду, там, где раньше о поэзии и думать не могли,— в бывших кварталах бедноты, на фабриках, в армейских частях. В группе Маркоса были студенты, рабочие, крестьяне, учителя. К ним приезжал Эрнесто Кардиналь, министр культуры республики, священник, всемирно известный поэт. Садились за столом и читали свои стихи по кругу. Кардиналь брал исписанные от руки листочки и клал их себе в папку. Он готовил издание альманаха новой никарагуанской поэзии.

Когда Маркос закончил институт, ему предложили поехать учиться в Советский Союз. Его спросили, что он выбирает: учиться на строителя или заниматься литературой. Маркос выбрал профессию строителя.

В Манагуа, когда он улетал, шел летний дождь. Первое, что его поразило в Москве,— ливень в аэропорту, совсем такой же, как дома.

Не прошло и года учебы, как из Никарагуа стали поступать тревожные сообщения. Маркос с другими студентами из Никарагуа попросил, чтобы его отправили на родину. В посольстве им сказали, что сейчас их долг перед революцией — учиться.

Из резолюции собрания никарагуанских студентов Университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы:

«Собрание, заслушав доклад о положении в Никарагуа, постановило:

В случае вооруженной интервенции со стороны Гондураса или США всем немедленно вернуться домой и сражаться за свободу до последней капли крови.

Принято единогласно».

Никарагуа
ты огромное дерево
и мы твои листья
и Хуан и Ирам и Сальвадор
и Изабелла
и Хосе и Франсиско и Педро
и Мария
и Рамон и Антонио и Чико
и тысячи других
и я
мы опадаем
и потом появляемся вновь
потому что смерти нет
потому что все они
и Хуан и Ирам и Сальвадор
и Изабелла
и Хосе и Франсиско и Педро
и Мария
и Рамон и Антонио и Чико
превратились в цветы на твоих
гибких ветвях
потому что все ураганы
бессильны перед тобой
потому что всегда будет над
нами твоя могучая голубая крона
и зреющие тяжелые гроздья
облаков
и я прижимаюсь губами к твоей
колючей коре
Никарагуа

ТОЛЬКО ОДИН ИЗ ПЯТИ

Америка любит вундеркиндов (если вундеркинды знают свое место: оставляют в детстве таланты и идут дальше по жизни деловыми людьми). Америка любит разные фамильные культурные предприятия (вспомним детскую поп-группу «Осмондз»). Потому и успех пяти братьев Джексон — то есть группы «Джексон файв»—был для выпустившей их в свет фирмы «Тамла-Мотаун» вполне ожиданным. В 1970 году, когда их песня «Вернись» стала бестселлером, младшему брату Майклу было всего одиннадцать. Старшие отправились во взрослую деловую жизнь, а вот Майкл остался в музыке. И в отличие от многих преодолел славу «чудо-ребенка»: он стал одним из ведущих исполнителей музыки соул, а написанные им песни поют его вчерашние кумиры — Дайана Росс и Пол Маккартни.

МЫШИНЫЙ ДЕСАНТ

Американский увеселительный парк «Диснейленд» открыл свой филиал в Японии. Всем был бы хорош Микки Маус, да из-за круглых ушек мультяшного мышонка торчат уши политиков. Как сказал один из проамерикански настроенных японских деятелей, «парк станет еще одним мостиком взаимопонимания между Японией и США». И добавим, еще одним доказательством того, что США желают японцам только добра, размещая на их земле «Диснейленд»... и военные базы.

ГИМН ЛЮБВИ

«Эдит и Марсель» — фильм французского режиссера Клода Лелуша — современная легенда о любви. Ее герои певица Эдит Пиаф и Марсель Сердан, чемпион мира по боксу. «Двадцать лет назад умерла Эдит Пиаф, и двадцать лет я мечтал сделать этот фильм,— говорит Лелуш,— но не мог найти актрису для роли Пиаф. Вся съемочная группа зовет Эвелин Буа Эдит, «она создана для этой роли», считает режиссер. На снимках: Эдит Пиаф и Марсель Сердан и Эвелин Буа и Марсель Сердан-младший, играющий роль своего отца.

КРУПНЫЙ ВЫИГРЫШ

Больше всего народу во дворце спорта итальянского города Турина собирается по вторникам. И накал страстей посильнее, чем в другие дни. Дело в том, что по вторникам для молодых безработных устраивается лотерея, по которой можно выиграть рабочее место. Неизвестно, что это будет за работа, да и шанс выиграть невелик, но попробовать стоит — ведь уровень безработицы среди итальянской молодежи достиг 76 процентов, а улучшения явно не предвидится.

ПО-ХАРД-РОКОВОМУ, ПО-СТАРИКОВСКИ...

Когда Ричи Блэкмор пришел в рок-музыку, многих его сегодняшних поклонников еще и на свете не было (напомним: в 1968 году была создана группа «Дип пёрпл», и Ричи играл в ней до самого ее распада, до середины семидесятых. Потом Ричи организовал свою собственную группу, «Радуга», в которой играет и до сих пор, играет свой старый любимый хард-рок). И все эти долгие годы он прочно удерживает титул «короля гитары».

Столь долгая сценическая жизнь привела к тому, что, как говорит сам Ричи, «я стал уже частью обстановки». И верно, внимание прессы к нему поутихло — все знают, что Ричи работает всегда, и всегда работает неплохо. Недавно французский журнал «Рок э фольк» все же взял у него интервью. «Король» позволил себе поворчать: «Слишком много стало рок-музыкантов. И если устроить им настоящий экзамен на право выступления перед публикой, уверен, многие засыпались бы... Новых групп полно, но они вряд ли на что-то способны, а вот нас да «Лед зеппелин» до сих пор помнят все».— «А кто же будет экзаменатором?» — «Конечно, я. А то и сам этого экзамена не сдам».

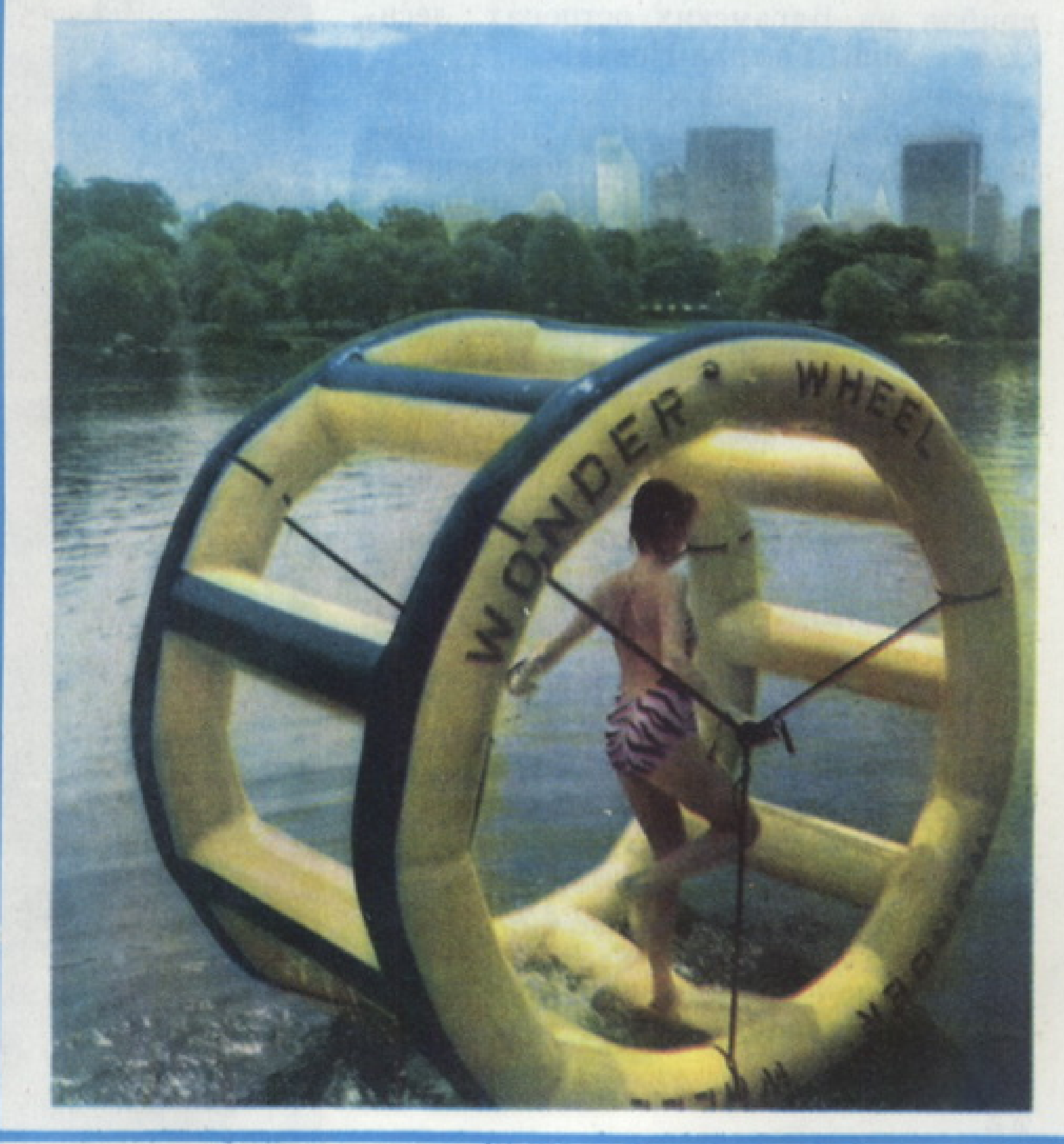

КТО СТУЧИТСЯ В ДВЕРЬ КО МНЕ!

В Арктике это вопрос не праздный. Откроешь дверь — а там белый медведь. Новички — те сразу в панику. Но ветераны-полярники знают, что в большинстве случаев мишки настроены дружелюбно и обходиться с ними нужно вежливо — все-таки охраняемое животное, в мире их осталось 12 тысяч. Одно плохо — от работы отвлекают.

БЕГУЩЕЕ ПО ВОЛНАМ

У «чудо-колеса» много поклонников: необычно, красиво и по воде идешь как посуху. Противники колеса утверждают, что вплавь и быстрее и удобнее. Может быть, но зато совсем не оригинально. К тому же для многих научиться плавать так же сложно, как «ходить» по колесу.

О МУЗЫКЕ — И НЕ ТОЛЬКО

ИНФОРМАЦИЯ К РАЗМЫШЛЕНИЮ

Пол Уинтер: В ПОИСКАХ ОБЩЕЙ ПОЧВЫ

Л. ПЕРЕВЕРЗЕВ

Выступления его группы — проходят ли они в респектабельном Карнеги Холл, на открытых фестивальных площадках или под сводами кафедральных соборов — всегда собирают внушительную аудиторию. Двум лунным кратерам, обнаруженным при недавних исследованиях нашего вечного спутника, официально присвоены названия его инструментальных пьес. В его дискографии около двух десятков альбомов (частью двойных), однако в широкой продаже их нет. Оставив свой скромный, но прочный след на селенографических картах, произведения Пола Уинтера — альт-саксофониста, композитора и руководителя коллектива «Пол Уинтер консорт»[1], функционирующего без перерыва уже шестнадцать лет подряд, не значатся ни в каких таблицах популярности. Они не фигурируют в хит-парадах, их не предлагают покупателям в магазинах и не рекламируют в прессе. «Для американских средств массовой информации,— замечает журнал Смитсоновского института,— «Пол Уинтер консорт» является одним из самых строго засекреченных материалов». Почему? «Да потому,— поясняет Пол Уинтер,— что бедняги просто не знают, что о нас говорить, под какую рубрику подвести и к каким товарам причислить. Ни в одно из типовых определений мы не укладываемся, вот они и в замешательстве».

По правде говоря, есть от чего. Его музыку эрудиты называют за неимением более краткого термина «джаз-рок-рага-этно-симфо-барокко-ренессансной». В аннотациях к его альбомам рядом с именитыми музыкантами указываются безымянные соавторы-исполнители: орлы, волки, киты... Не совсем обычны и места, где саксофонист делает фонограммы исходных мелодических тем: пещеры Большого Каньона в Колорадо, льды Ньюфаундленда, линия прибоя на Багамских островах, лесистые склоны Сьерра-Невады...

Деньги от продажи его пластинок, осуществляемой усилиями добровольных общественных групп, поступают в основанный им фонд «Живой музыки», поощряющий наряду с прочим исполнение таких композиторов, как И.-С. Бах, Чарлз Айвз и Бела Барток, как часть агитационной кампании за охрану окружающей среды и прежде всего — спасения видов животных, находящихся на грани вымирания.

Так кто же такой Пол Уинтер, что за музыку он сочиняет и чем, в конце концов, занимается? Вот краткие сведения по этому поводу, данные им самим журналу «Одюбон».

«Еще будучи студентом филологического отделения Северо-западного

---

[1] *«Консорт»* (consort) *можно и нужно понимать здесь в нескольких смыслах: во-первых, как свиту или сопровождающих спутников, во-вторых, как гармоническое согласие и, в-третьих, как старинное написание слова «концерт».— Примеч. авт.*

университета, я организовал джаз-группу, и в 1961 году мы получили первый приз на межуниверситетском джазовом фестивале, а через год провели шестимесячное турне по двадцати трем странам Латинской Америки, часто выступая прямо в деревнях перед босоногими слушателями-индейцами». В той поездке он впервые столкнулся с другой жизнью, столь непохожей на все виденное им дома, и с другой музыкой, вернее, множеством музык, бесконечно разнообразных по своему мелодическому складу, краскам и ритмам.

«Как почти все джазмены, я очень люблю лакомиться вкусными звучаниями»,— признается саксофонист, собравший за годы своих путешествий обширную коллекцию экзотических инструментов. Бразильские барабаны (Уинтер был одним из пионеров стиля босса-нова в джазе), гигантский ксилофон амадинда из Уганды, южноафриканская м'бира (дощечка с железными языками над резонатором из сухой тыквы) мирно соседствуют в его композициях с виолончелью, фисгармонией, арфой и электрическим фендер-контрабасом.

В предвкушении еще более изысканных звуковых пиршеств он организует в 1967 году небольшой оркестр «Пол Уинтер консорт», поставив себе нелегкую и по сей день никем еще не решенную до конца задачу: искать сближения музыки Запада и Востока при посредстве изначально «гибридного» джаза и родственных ему фольклорных форм Европы, Африки, Азии и Латинской Америки. Первые же шаги в этом направлении — особенно запись «Танец Земли» — оказались весьма многообещающими. Уинтеру удалось сплотить вокруг себя талантливую молодежь, пришедшую из ранее почти не соприкасавшихся музыкальных сфер. Ядро коллектива составили Пол Мак-Кендлесс — джазовый аранжировщик и вместе с тем академический исполнитель на гобое, английском рожке и бас-кларнете; Колин Уолкотт, этнограф-музыковед, научившийся играть на ситаре и барабанах табла у знаменитого индийского виртуоза Рави Шанкара; классический гитарист Ральф Таунер, освоивший по совету Уинтера также народную двенадцатиструнную гитару, и контрабасист Глен Мур. Однако после нескольких лет успешной работы эта четверка покинула «Консорт» из-за чисто эстетических расхождений с его руководителем и стала выступать самостоятельно под именем «Орегон», завоевав репутацию самой изысканной группы авангардного джаза.

Сам Уинтер тем временем все менее был склонен довольствоваться одной лишь «чистой» эстетикой и артистической изысканностью — одной из причин тому было знакомство с представителями американского энвиронментализма — движения за охрану окружающей среды и восстановление нарушенной экологии.

Примечательно, что Пол Уинтер пришел к проблемам экологии через эстетику. В 1969 году ему довелось услыщать в записи «пение» китов, показавшееся ему «изумительно красивым». Он завязал также тесную дружбу с Джетро — ручным волком, жившим у натуралиста Джона Харриса и обладавшим, по словам Уинтера, «божественной осанкой и необъяснимо-мистическим обаянием. Я старался видеться с ним при каждой возможности, но через несколько лет кто-то, приняв его за опасного хищника, отравил моего чудесного друга».

Это событие потрясло музыканта. Абстрактный термин экологов «виды, находящиеся под угрозой уничтожения» наполнился для него конкретным, лично прочувствованным содержанием. «Мне захотелось сказать слово в их защиту. Я подумал: если люди услышат голоса этих животных, они проникнутся отвращением к тому, как мы с ними поступаем». Так возникла пьеса «Первозданностью да сохранится мир» — сочетание протяжных напевов в духе древнеиндийских гимнов с документальными фонограммами природных звучаний. Вступив на этот путь, Пол Уинтер с него уже не сворачивает, хотя его взгляды на роль и задачи собственной музыкально-экологической деятельности претерпевают заметные изменения.

«Со временем мне стала ясна неэффективность моих первоначальных усилий; мои музыкальные высказывания были не чем иным, как пропагандой, рассчитанной на то, чтобы вызвать у аудитории чувство вины». В самом деле, на рубеже 60—70-х годов американские энвиронменталисты, осуждая типичное для капитализма хищническое расточение земных богатств, без разбору обвиняли в нем всех, кто так или иначе был причастен к научно-техническому прогрессу или хотя бы пользовался его плодами. Но, провозглашая своим идеалом «нетронутую среду», они приходили к неразрешимой дилемме: им нужно было либо ратовать за возвращение к пещерной первобытности (с чем, конечно, никто бы не согласился), либо признать, что восхваляемая ими привольно-беззаботная жизнь среди девственных лесов и бескрайних полей доступна лишь ничтожной горстке богачей, а вовсе не трудящимся массам. Понимая абсурдность первого и не осмеливаясь самим себе признаться во втором, лидеры энвиронментализма предпочитали винить в сложившемся положении не определенную социально-экономическую систему, а «людей вообще», в чем их охотно поддерживали власть имущие. Получали хождение устрашающие отчеты о необратимо нарушенной экологии планеты и прогнозы близкой гибели человечества. В качестве меры спасения выдвигались теории «нулевого роста», предлагавшие ограничить численность народонаселения, свертывать экономику, замораживать производство, не строить новых заводов, шахт, электростанций, плотин, шоссейных дорог, поселений, курортов и т. д.

Неудивительно, что теории и лозунги такого типа постепенно утрачивали популярность, а на их место выдвигались концепции более осторожного, дальновидного и научно продуманного взаимодействия с биосферой при более справедливом распределении ее благ. Даже и при демократическом подходе к охране естественной среды последняя все-таки часто трактуется как нечто, подлежащее использованию или выполняющее только служебную функцию, как некое средство, обеспечивающее человеку телесный и душевный комфорт. Пол Уинтер считает это недопустимым эгоцентризмом, препятствующим установлению подлинно человеческих отношений со всеми живыми тварями. Мы должны, считает он, научиться видеть в них не враждебный стан, подлежащий завоеванию, но и не покорных рабов наших желаний, а родственников, друзей и партнеров, имеющих равные с нами права на жизнь и любовь. «Теперь я хочу привести аудиторию к ощущению глубинного тождества между нами. Пусть все услышат, что животные, как и люди, могут создавать музыку, трогающую наши сердца, что они обладают чувствительностью и сознанием. Тогда мы поймем: нужно спасти их от уничтожения не из-за того, что без них рухнет наша экологическая система, а ради них самих, просто потому, что о н и е с т ь».

Наивная и прекраснодушная фантазия? С точки зрения Уинтера, не такая уж беспочвенная. В 1975 году он посещает расположенный в горах Сьерра-Невада научный центр по изучению хищников. Первая попытка установить с ними музыкальный контакт была неудачной. Целый день играя на саксофоне перед вольером, где содержалось тринадцать волков, он не добился от них никакой реакции. «Да и не удивительно: я был для них просто еще одним существом с какой-то блестящей вещью. Но потом я стал играть ночью, отойдя от них подальше в горы, и это возымело эффект. Особенно выделялась одна волчица — я узнал, что ее звали Ида,— которая продолжала отвечать мне и тогда, когда все остальные уже смолкли. Более того, ответы ее по форме и продолжительности соответствовали моим фразам. То был самый волнующий дуэт из всех моих импровизаций».

Вскоре состоялись встречи с китами на севере близ Ванкувера и у острова Магдалены в Калифорнийском заливе. В отличие от волков морские великаны не вторили партии саксофона, но исправно приплывали ночами на его звук, делая круги вокруг лодки и оглашая темноту своими чудовищно могучими и вместе с тем мягкими, почти нежными вздохами; «казалось, дышит сама земля».

Пять лет подряд Уинтер с помощью своего друга, натуралиста Майкла Фокса, собирает «полевой материал» для произведения, жанр которого он определяет как «музыкальный роман» или «драму» в шести долгоиграющих пластинках. Сюжет планируемого «романа» — история приключений мальчика,

встречающегося на своем пути с волками, орлами и китами. Зимой 1977/78 года ансамбль «Пол Уинтер консорт» записывает в качестве «увертюры» первый диск этой серии, названный «Common Ground» — «Общая почва». Художественный замысел и способ осуществления альбома был прост и вместе с тем смел до дерзости, редкой даже среди самых отчаянных авангардистов (к которым Уинтер, кстати говоря, себя отнюдь не причисляет). «В кругу друзей, в кругу звучаний, сольются наши голоса, коль общей почвы мы достигнем»,— провозглашал текст заглавной песни альбома. В «Песне орла» Пол Мак-Кендлесс импровизировал на гобое в ответ на крик африканского орла, в «Мечте океана» Дэвид Дарлинг продолжал на электровиолончели тему, «пропетую» китом, а сам Уинтер вел диалог со своими четвероногими партнерами в пьесе "Глаза волка». Работа над «Глазами...» заняла целый месяц. «Еще давно, сразу после гибели Джетро, я написал песню в память о нем. Но она вышла очень уж печальной. Теперь мне хотелось чего-то большего, нежели просто жалобы. Продолжая экспериментировать с записями волчьих голосов, я также почувствовал, что моя песня рисовала слишком жесткий образ волка как грозного и напористого зверя. Мне же был ближе более женственный образ волчицы — волшебницы и богини».

На одной из документальных магнитных лент Уинтер обнаружил то, что искал. Одинокий волк, стоя совсем близко от микрофона, завывал необыкновенные рулады, состоящие из четырех отчетливо интонированных фраз. «Я взял это главной темой, подхватил мелодию на саксофоне и развил в импровизации, а потом передал бразильской гитаре, знаете, эти характерные горько-сладкие напевы Бразилии? Затем мне захотелось еще раз повторить вой волка, и я подобрал аккорд, хорошо подходящий ко всем четырем его фразам. Получилось, что волк поет соло поверх этих аккордов точь-в-точь как джазовый вокалист. Заканчивается же пьеса моим дуэтом с Идой, записанным в Сьерра-Неваде». Последним номером диска была «Трилогия», в которой саксофон, виолончель и гобой вторили как эхо голосам волка, кита и орла — все три диких участника, к немалому удивлению композитора, «пели» в тональности ре-бемоль. «В финале все инструменты берут именно эту ноту и сливаются в долгом высоком призывном кличе. Надеюсь, он останется в душе слушателя навсегда».

Так кончается своего рода программный манифест Пола Уинтера — альбом «Общая почва». Сыграно, пропето и сказано убежденно, но не слишком ли самонадеянно? И вообще, присутствует ли тут творческая необходимость или же перед нами — одно лишь желание во что бы то ни стало прослыть ни на кого не похожим оригиналом? Не показывают ли нам очередной электронно-акустический фокус, коих было уже немало? Или претенциозное шоу, эксплуатирующее модную тематику? Или пусть искреннее, но крайне наивное и эстетически неправомерное смешение двух абсолютно несовместимых начал — «искусства» и «естества»?

Трудно избавиться от таких вопросов, зная, сколь часто в наши дни самозваные пророки новейших течений, честолюбивые авантюристы, а то и просто беззастенчивые шарлатаны от музыки подсовывают доверчивым слушателям под видом отважного экспериментаторства избитые банальности или незатейливые технические трюки. «Если вы подозреваете, что некто делает что-то ради одного только трюкачества,— замечает Пол Уинтер, — то лучший способ проверить ваши подозрения — выждать и посмотреть, надолго ли его хватит». Уинтер занимается избранным делом вот уже второй десяток лет — срок, достаточный для проверки.

Верит ли он в то, что благодаря музыке ему действительно удается установить коммуникацию с дикими животными? «Я предпочитаю иное слово: общение. Коммуникация предполагает передачу каких-то значений, но значения в данном случае меня не интересуют. Мне достаточно просто быть рядом и общаться с помощью звучаний». Он не знает, хотят ли волки, воющие в ответ на его игру, что-либо ему сообщить. «Они воют и на проходящие товарные поезда; заставить их выть — нехитрая штука. Реакция китов тоже может быть простым совпадением. Дикие остаются дикими».

Большой Каньон, где Уинтер записывал одну из своих «натурных» импровизаций, тоже не был таким уж «понимающим» и покладистым партнером. Ревущая стремнина реки Колорадо, шум ветра и даже стрекотание цикад внутри пещер, обладающих гулким резонансом, подчас полностью заглушали звук саксофона и делали его совсем неразборчивым. Сам музыкант такой неожиданностью не разочарован и считает происшедшее полезным предостережением и напоминанием о том, что может произойти в тех случаях, когда «мы с нашей надменно-самоуверенной культурой вторгаемся в великую Природу».

Много лет подряд отвергаемый коммерческими фирмами звукозаписи, Пол Уинтер организует в 1980 году крошечную, но независимую компанию грампластинок «Ливинг мюзик рекордс», дабы «служить эстетическим запросам артистов и слушателей, которые дискриминируются индустрией развлечений, задыхающейся от собственной жадности к диско-долларам». Год спустя под ее маркой издается двойной альбом «Callings» («Зовы») — первая часть трилогии, задуманной как расширенная и обновленная версия «Общей почвы». Главный герой «Зовов» — древнее мифическое существо Силки, оборачивающееся человеком на суше и зверем в морской пучине, которое совершает долгое путешествие от Тихоокеанского побережья в Калифорнии через Арктику к полуострову Лабрадор. Ансамбль «Пол Уинтер консорт» выступал на этот раз совместно с целым оркестром из тринадцати «сокомпозиторов» в лице различных морских млекопитающих — нескольких пород китов, дельфинов, морских львов, белых медведей, тюленей и моржей. Рецензенты отметили необычайно тонкую игру солистов (Нэнси Рэмбл — гобой, Джоэл Эндрюс — арфа и Марсио Ферейра — ударные); мастерский монтаж «искусственных» и «естественных» компонентов, включая раскаты настоящего грома в эпизоде шторма, ставший возможным благодаря технике цифровой записи, но главное — непрерывное развертывание художественного повествования, не перебиваемое программно-декларативными отступлениями. «Включение в музыку голосов природы сегодня уже не редкость, но никогда еще это не было сделано так удачно, как в «Зовах», с такой полнотой ощущения, что животные тоже соучаствуют в художественном процессе,— писал обозреватель журнала «Нью таймс».— Взятая в целом, работа заставляет переживать чувство радости, изумления, грусти и любви, но в ней нет ни сентиментальности, ни упрощенчества... Пол Уинтер, отстаивая свою позицию красноречиво, однако без малейшей запальчивости, убеждает нас в том, что мы слишком долго были слепы к действительному положению человека и его сородичей животных на этой планете и что наш долг — как можно скорее это исправить. «Зовы» являются в этом смысле произведением редкой красоты и не меньшей этической значимости».

В том же году выходит еще один двойной альбом — «Misa Gaja» («Месса Геи»); публичным исполнением этой самой крупномасштабной и парадоксальной композиции Уинтера было ознаменовано торжественное открытие Недели разоружения ООН. Гею, нашу общую Землю, прародительницу и хранительницу всего живого, композитор избрал в качестве универсального образа. Форма мессы тоже позволяет использовать любой нужный ему музыкальный материал. «Изучая сочинения великих мастеров от Дюфаи, Машо и Палестрины до Баха, Стравинского и Бриттена, я с удивлением обнаружил, что в основе большинства из них лежат простые народные песни и даже популярные мелодии. И мне подумалось, что мелодия, подслушанная у волка в тундре на Аляске, и ритм ритуального танца из Ганы также уместны в рассказе о том, что все мы живем на одной Земле». «Месса Геи» возникла как закономерный этап давно начатого и успешно продолжаемого пути.

Путь, по которому идет со своими спутниками Пол Уинтер, отнюдь не единственный, но, как мы видим, приводящий к ряду весьма интересных и, главное, очень нужных сегодня находок, как художественных, так и практически жизненных.

АВТОРИЗОВАННАЯ БИОГРАФИЯ "БИТЛЗ"

Хантер ДЭВИС,
английский писатель

«Трудно писать биографию живых людей, поскольку с ними все время происходит что-то новое. Также опасно высказывать определенные суждения, ибо те, о ком говоришь, постоянно меняются. Возможно, к тому времени, когда вы будете читать эту книгу, «Битлз» и сами не поверят в то, что наговорили мне (потому, что их мнения менялись даже в течение одной беседы).

Но черту где-то подвести надо. К счастью, к моменту выхода книги многие важные этапы в их жизни были завершены и казались довольно понятными. Я же должен был лишь отразить факты и мнения как можно точнее. Лет через пятьдесят кто-нибудь, наверное, сможет написать совершенную критическую биографию «Битлз», если, конечно, память о них не канет в Лету».

Этими словами завершается книга английского писателя Хантера Дэвиса «Авторизованная биография «Битлз», которая вышла за год до того, как ансамбль распался.

«Трудно писать биографию живых людей...» Через десять лет после распада ансамбля «Битлз», теперь уже бывших, осталось трое: жизненный путь Джона Леннона оборвала пуля убийцы.

Оставшиеся работают самостоятельно, каждый из них идет своей дорогой, и все-таки их по-прежнему называют «Битлз», иногда прибавляя частицу «экс», потому что значение вклада ливерпульской четверки в популярную музыку XX века с течением времени становится все более очевидным.

Редакция получает много писем с просьбой рассказать об истории ансамбля. Откликаясь на них, «Ровесник» начинает публикацию журнального варианта книги Хантера Дэвиса «Авторизованная биография «Битлз», рассчитывая дополнить ее в следующем году рассказом о творчестве «экс-«Битлз» сегодняшних.

Ливерпуль

Ливерпуль расположен в левом верхнем углу Англии, прямо над выступом, который называется полуостров Уэльс. В городе живут валлийцы и ирландцы, первые традиционно считаются хорошими певцами, вторые — прирожденными юмористами.

Известность пришла к Ливерпулю в эпоху промышленной революции. Лет сто он процветал, а после второй мировой войны в связи с упадком текстильной промышленности пришел в запустение. Еще город известен тем, что здесь родились знаменитые футболисты и актеры, к тому же жители Ливерпуля (их традиционно называют не ливерпульцами, а ливерпудлийцами) прославились своим задиристым нравом.

Ливерпуль и сегодня выглядит, как в XIX столетии. Здания в центре и многочисленные памятники выдержаны в духе викторианской эпохи. Однако расположенный в центре отель «Адельфи» отнюдь не так значителен, как кажется. Наши герои будут встречаться именно здесь. То есть рядом с отелем, конечно. Они были недостаточно респектабельны, чтобы встречаться в самом отеле.

Для прибывающих с моря Ливерпуль начинается с моста Пиер Хед. Надо сказать, он производит довольно тягостное впечатление. Рядом огромная пустая площадь, где расположен только автовокзал. Многие ливерпудлийцы с достатком ниже среднего проводят в прилегающих к площади кварталах всю жизнь. С этими местами связано и детство наших героев (люди побогаче живут на другом берегу реки Мерси — в Мерсисайде).

Но, честно говоря, все эти железнодорожные и морские коммуникации, актеры и футболисты, да и забияки — чепуха. Для миллионов людей Ливерпуль — это прежде всего родина четырех парней, покоривших их сердца.

Джон

Отец Джона, Фред Леннон, воспитывался в интернате для сирот, но

На правом снимке: «Битлз» на вершине своей славы. На левом снимке: клуб «Каверна», из которого они начали свое восхождение. На сцене «Каверны» — не «Битлз», потому что в те времена безвестных ребят, каких в Ливерпуле были сотни, никто и не думал фотографировать.

утверждал, что получил вполне приличное образование. В 16 лет Фред ушел плавать по морям и океанам. Он стал официантом и уверял, что в своем деле ему не было равных. Капитан, рассказывал Фред, задерживал отплытие, если он запаздывал.

Примерно в это время он познакомился с Джулией Стэнли. «Мы знали, что сестра встречается с неким Альфредом Ленноном,— говорит одна из четырех сестер Джулии, Мими.— Возможно, он был симпатичный парень, но абсолютно не подходил Джулии».

Брачный союз был заключен 3 декабря 1938 года. На следующий день Фред отправился в плавание.

Джон Уинстон Леннон появился на свет 9 октября 1940 года во время бомбардировки. Когда Джону было 8 месяцев, Джулия в очередной раз пошла за полагающейся ей частью зарплаты мужа и узнала, что он пропал без вести, а выплата денег приостановлена. «Альфред не пришел на корабль,— рассказывает Мими.— Никто не знал, что с ним стряслось. Позже Альфред появился вновь, но его брак с Джулией распался. Джулия познакомилась с другим мужчиной, и они собирались пожениться. Я забрала Джона к себе, и мой дом стал для него родным. И Фред, и Джулия одобрили мой шаг, но собрать всех заинтересованных лиц, чтобы официально оформить усыновление, не удалось».

Джулия, по словам сестры, была женщиной веселой и беспечной: «Жизнь она не принимала всерьез. Я никогда не рассказывала Джону про отца и мать. Мне хотелось уберечь его от неприятного. Возможно, я была не права. Но я хотела, чтобы он был счастлив».

Джон навсегда сохранил благодарность к Мими. «Она была добра ко мне. Она относилась ко мне, как к родному сыну».

Мими никогда не кричала на детей, считая это признаком родительской слабости. Самым жестоким наказанием было демонстративное безразличие: «Джон этого просто не выносил».

Но это отнюдь не значит, что Джона баловали. Правда, дядя Джордж, с точки зрения Мими, иногда бывал излишне щедр, и поэтому мальчик оставлял у него под подушкой записки с просьбой разрешить ему сходить в кино (Мими считала, что в кино можно ходить максимум два раза в год). Любил Джон и детские праздники в «Стробери филдс»—местном детском доме Армии спасения. «Как только до нас доносились звуки оркестра, Джон начинал прыгать и кричать: «Мим! Скорее, мы опаздываем!»

Первым учебным заведением для Джона стала начальная школа Давдейл. «Директор сказал, что мальчик очень деятельный и своенравный. Понравившимся делом он может заниматься весьма усердно, а нелюбимое не будет делать вовсе».

Когда ему было лет семь, Джон нарисовал свою первую книжку (у Мими сохранилось несколько таких книжонок). Первая называлась «Спорт, скорость и иллюстрации. Издано и иллюстрировано Дж. Уин. Ленноном». Это были шутки, рисунки, раскрашенные от руки фотографии. Несколько книжечек составляли еженедельную серию. «Если вам понравилось, смотрите снова на следующей неделе, будет еще лучше».

«Я был в восторге от «Алисы в стране чудес». Я писал стихи в том же духе и похожие истории, где сам был действующим лицом. Если я писал серьезные стихи, то есть всякую лирическую чепуху, я делал это тайком. Мне не хотелось, чтобы Мими узнала, какая у меня мягкая душа».

Мими изо всех сил старалась оградить Джона от уличных мальчишек, как она выражалась. «Однажды я шла по Пенни-лэйн и увидела толпу ребят, которая наблюдала за потасовкой двух мальчичек. Когда они разошлись, в одном из драчунов я, к моему ужасу, узнала Джона».

Джон и «Кворримен»

В 1952 году Джон Леннон поступил в Кворри-бэнк хай скул. Это была заурядная средняя школа на окраине Ливерпуля. «Я смотрел на всех этих новых мальчишек и думал: мне надо быть первым, как и в Давдейле. В школе, конечно, были свои главари. И первую драку я проиграл. Я был агрессивен, потому что жаждал популярности. Я хотел быть лидером. Это гораздо привлекательнее, чем быть зазнайкой».

Не прошло и года, как Джон и Пит Шоттон, его дружок из старой школы, умудрились настроить против себя всех. В характеристиках оставлялось место для ответов родителей. Мими написала: «Задать хорошую порку».— «Но Мими только однажды отлупила меня».

С переходом Джона в следующий класс совпала смена директора. В Кворри-бэнк пришел мистер Побджой. Он быстро понял, кто главные возмутители спокойствия. Но новый директор, в отличие от остальных учителей, отнюдь не считал Джона пропащим: «Я знал, что он хорошо рисует, и порекомендовал ему поступить в художественный колледж».

Мими понравилась идея с художественным колледжем: «Я хотела, чтобы он получил хоть какую-нибудь профессию, стал хоть кем-нибудь. В глубине души я частенько вспоминала печальный пример его отца».

Сам Джон, однако, оглядываясь назад, был склонен по-иному оценивать то время: «Я доказывал всем свою правоту и настаивал на самостоятельности. Конечно, я был бы огорчен, если бы не попал в колледж, но тем не менее я его в конце концов бросил. Там все было слишком гладеньким, аккуратненьким. Я этого терпеть не мог. Я всегда смешивал все цвета вместе. Однажды нам задали рисунок на тему «Путешествие». Я нарисовал сгорбленную спину, всю в мозолях. Естественно, никто не просек, что к чему.

И все равно я говорю, что мое детство было счастливым. Мне приходилось туго, но я никогда не отчаивался, и у меня всегда наготове была улыбка».

В старших классах Джон заинтересовался поп-музыкой, хотя Мими отзывалась о ней неодобрительно. Она терпеть не могла, когда Джон напевал песенки, услышанные по радио. Еще в детстве он самостоятельно научился играть на губной гармошке: это тогда было модно. Дядя Джордж купил ему дешевую гармошку.

«Я хотела, чтобы он брал уроки игры на пианино или скрипке,— говорит Мими.— Но он терпеть не мог никаких систематических занятий. Хотел все делать сразу, не теряя времени. Его увлечение музыкой было одобрено и поддержано только однажды. Это случилось во время одной из ежегодных поездок в Эдинбург, к моей сестре. Всю дорогу в автобусе он дудел на губной гармошке, сводя пассажиров с ума. Но кондуктору понравилось, и он пообещал Джону утром подарить хорошую гармошку. Джон не спал всю ночь, но новая гармошка была и вправду хороша. Кондуктор не знал, чему он положил начало».

До середины пятидесятых поп-музыка не имела никакой связи с реальной жизнью. Вся она делалась в Америке опытными артистами в красивеньких пиджачках, с красивенькими улыбками, которые пели красивенькие баллады.

Потом произошли три события. 12 апреля 1954 года американец Билл Хейли и его группа «Кометы» выпустили песню «Rock around the Clock». Через год до Британии дошел фильм «Blackboard Jungle», где эта песня была главной темой.

В январе 1956 года английский певец Лонни Донеган выпустил пластинку «Rock Island Line». Никакой связи с роком, несмотря на название, эта вещь не имела. Новым и интересным было использование общедоступных инструментов. Лонни Донеган популяризировал скиффл. Такую музыку мог играть каждый, не имея не то что музыкального образования, но и задатков таланта. Даже партию гитары мог сыграть человек, знающий лишь пару аккордов. Что же касается инструментов типа стиральной доски или ящика из-под чая, то на них мог бы играть и полнейший идиот.

Третьим и наиболее значимым событием в поп-музыке пятидесятых было появление на сцене Элвиса Пресли. «Ничто так серьезно не действовало на меня до Элвиса»,— говорит Джон. Все будущие «Битлз», как и миллионы их сверстников, оказались вовлеченными в водоворот. Группы росли как грибы после дождя. Каждую неделю в Ливерпуле проходили сотни танцевальных вечеров, на которых играли любительские скиффл-группы. Впервые в музыку пришло целое поколение, ничего о музыке не знавшее. Это было похоже на то, как если бы обезьянам дали краски. Хотя иногда получалось совсем неплохо.

Когда все это началось, Джон взял у одного своего соученика гитару. Но

быстро понял, что не умеет играть. Тут он вспомнил, что мать играет на банджо, и отправился к ней. Она купила ему подержанную гитару и показала пару аккордов для банджо. На этом его образование закончилось. А Мими по десять раз на день повторяла: «Гитара — это хорошо, но она никогда не поможет тебе зарабатывать на жизнь».

«Мы организовали в школе свою группу: Эрик Гриффитс и я на гитаре, Пит Шоттон на стиральной доске, Лен Гарри и Колин Хансон на барабанах и Род на банджо. Играли мы бесплатно. Позже, когда нас стали звать поиграть на свадьбах или каких других уличных праздниках, нам немножко платили, но в основном выступали мы даром, перед своими друзьями».

Они назвали себя просто «Кворримен». Внешний вид выбрали довольно пижонистый (они копировали Элвиса). Джон был главным пижоном, и это давало дополнительный повод родителям запрещать своим детям с ним водиться.

«Создание группы было, в сущности, шуткой,— говорит Пит Шоттон.— Скиффл стал модой, и каждый пытался как-то поучаствовать. Я играл на стиральной доске, потому что не имел ни малейшего представления о музыке. Просто я был другом Джона, а значит, должен играть в группе».

15 июня 1956 года один из приятелей Джона привел на репетицию своего дружка. В тот день был религиозный праздник, и Джон договорился, что его группе разрешат поиграть: «Мими предупредила: это в последний раз!»

Джон плохо помнит тот день. Другие кое-что помнят, и особенно новый мальчик. Его звали Пол Маккартни.

Пол

Джеймс Пол Маккартни родился 18 июня 1942 года в частной палате ливерпульской больницы: единственный из «Битлз», появившийся на свет в таких шикарных условиях. Родители Пола были самыми обыкновенными представителями трудового сословия, да и война была в разгаре. Но мать когда-то работала акушеркой в этой больнице, и поэтому ее первый ребенок смог появиться на свет именно здесь. Мать Пола работала на две ставки, гораздо больше, чем другие, и всегда была исключительно добросовестна. Пол помнит, что однажды ей подарили игрушечного пса. «Это была благодарность за ее добрые дела. Люди всегда делали ей такие подарки».

С детства Пол проявлял чудеса дипломатического такта, резко отличаясь от вечно попадавшего в беду младшего брата Майкла. Пол успешно закончил начальную школу и поступил в Ливерпульский институт — самую известную среднюю школу города.

Майкл тоже учился в институте, но к концу учебы скатился в последний поток. Пол же всегда был в числе лучших.

«Пол мог делать уроки прямо перед орущим телевизором,— вспоминает его отец.— Он наверняка мог бы поступить в университет. Я очень этого хотел: титул «бакалавр» в сочетании с нашей фамилией звучал бы так здорово! Но, узнав о моих намерениях, Пол нарочно стал учиться плохо. Он прилично разбирался в латыни, и когда я предложил ему специализироваться по этому предмету, он совсем ее забросил».

«Отец постоянно твердил, что мне необходимо получить приличный аттестат. Но я не обращал на его слова никакого внимания. Домашние задания были сущим проклятьем. И почему я должен торчать за книжками, когда все мальчишки во дворе?»

Когда Полу исполнилось четырнадцать, у матери начались боли в груди. Это был рак. Ее оперировали, но она умерла. Все это произошло за один месяц. Несколько дней Пол молился: «Дурацкие молитвы. Если бы они могли ее вернуть! И я убедился в пустоте религии».

Перед старшим Маккартни встала трудная задача: он остался один с двумя детьми самого трудного возраста — 12 и 14 лет. Жена зарабатывала больше него, а прядильная промышленность, в которой он работал, переживала трудные времена.

Пол и «Кворримен»

В детстве Пол не проявлял к музыке никакого интереса. Он и Майкл начали было учиться играть на пианино, но после пары уроков это дело заглохло.

Позже дядя подарил Полу трубу, на которой он умудрился подобрать несколько мелодий. Эта способность, по-видимому, досталась Полу в наследство от отца: в детстве тот самостоятельно научился играть на пианино (Джим Маккартни был единственным среди родителей и родственников всех «Битлз», который хоть что-то понимал в музыке). Потом Пол, как и все его сверстники, увлекся гитарой. Первое время у него ничего не получалось. Потом он понял: причина в том, что он левша. Пол поменял местами струны, и дело пошло.

Как и Джон, Пол прошел через увлечение музыкой скиффл, зарождавшимся рок-н-роллом Билла Хейли, а затем и Элвисом Пресли. Когда появилась гитара, Пол старался играть некоторые вещи Элвиса и другие популярные мелодии. Лучше всего ему удавались песенки Литтл Ричарда.

«Я всегда считал его игру кошмарной,— говорит отец Пола.— Я не мог поверить, что такое может кому-нибудь понравиться, пока через несколько лет не увидел «Битлз» в одном списке с Литтл Ричардом. Тогда я понял, что Пол, наверное, подражал не так уж плохо».

«Когда ему в руки попала гитара, всему остальному пришел конец,— вспоминает Майкл.— Он пропал. Он и на еду не хотел тратить времени. Играл везде, даже в ванной и уборной».

Пол отлично помнит июньский день 1956 года, когда он встретился с группой «Кворримен». «Они выглядели неплохо. Джон играл на гитаре, но брал аккорды, как на банджо: по-другому не умел. Остальные соображали еще меньше и просто бренчали, как могли. Джон невероятно пристально глазел на зрителей. Потом он сказал мне, что впервые пытался оценить реакцию аудитории. Тексты песен Джон знал только наполовину, а остальное придумывал сам.

Я был в белом спортивном пиджаке и страшно зауженных черных брюках. Выглядел я классно: прохожие от меня шарахались. После выступления я поговорил с ребятами. Конечно, я постарался блеснуть. Показал им, как играть некоторые песни, пропел текст. Мой репертуар составляли несколько песенок Литтл Ричарда. Помню, как один из парней сказал, что «Twenty Flight Rock» его любимая вещь. Я понял, что он соображает!

Звали его Джон. Ему было 16, а мне всего 14. Поэтому для меня он стал авторитетом. Я показал ему несколько аккордов, которых он не знал. Я чувствовал, что произвел впечатление».

Джон помнит сомнения, зародившиеся в нем после встречи с Полом: «Было ясно, что на гитаре он играть умеет. Я даже признался себе: этот парень не хуже меня. Но я был общепризнанным лидером! Что будет, если я возьму его? Но взять стоило, и я решил держать его в ежовых рукавицах».

Первый раз Пол выступил в составе «Кворримен» на танцах в рабочем клубе. Потом он сыграл Джону несколько номеров, которые сам придумал. Сочинять он начал, как только выучился играть на гитаре. Чтобы не отстать, Джон тут же начал придумывать свои мелодии. Уровень «произведений» Пола и Джона был одинаков: простота и однообразие. Но стоило им сойтись вместе, как они тут же подбивали друг друга что-нибудь сочинить.

Пол и Джон очень сблизились. Они частенько отправлялись к Полу, жарили яичницу и упражнялись в игре на гитаре. Пол показал Джону аккорды, какие знал, и аккорды для банджо стали не нужны. Поскольку Пол был левшой, Джону приходилось садиться против зеркала и сверяться с расположением пальцев у своего зеркального двойника.

Пит Шоттон вскоре почувствовал в Джоне перемену. «Мои дни в группе были сочтены». Пол притащил в группу своего школьного друга. Этот парень тоже был помешан на стиле скиффл, роке и Элвисе. Новенький был младше всех, просто ребенок. Пит Шоттон недоумевал: и что «Кворримен» нашли в этом Джордже Харрисоне?

Джордж

Джордж единственный из «Битлз» вырос в большой крепкой семье и не испытал в детстве никаких серьезных трудностей.

Миссис Харрисон милая, отзывчивая и добрая женщина. Мистер Харрисон очень приличный и уравновешенный

человек. На жизнь он начал зарабатывать в четырнадцать лет, потом плавал стюардом на корабле, во времена Великой депрессии был безработным, но к моменту рождения Джорджа, четвертого ребенка в семье, жизнь вроде наладилась: Гарольд Харрисон стал водителем автобуса.

Устроить Джорджа в начальную школу стоило больших трудов: в то послевоенное время школы были переполнены. Тем не менее Джорджа взяли в Давдейл, ту же школу, где учился Джон. Тот был на два года старше и Джорджа не замечал.

В Ливерпульский институт Джордж поступил в 1954 году. Пол тогда перешел на второй курс. Джон уже четвертый год приводил в ужас Кворри-бэнк хай скул.

Институт быстро надоел Джорджу. «Я терпеть не мог наших учителей. Когда вы становитесь взрослее и выходите из-под контроля, они пытаются заткнуть вам глотку, сделать винтиком в общем механизме. Чтобы превратить нас из детей во взрослых, они вбивали нам в головы свои заблуждения. А я хотел лишь одного: быть самим собой».

Если Джон выражал протест драками и проказами, то Джордж умудрялся не меньше раздражать взрослых своим внешним видом. В частности, у него были самые длинные в школе волосы. А дело в том, что стрижка была для Джорджа пыткой. Из экономии отец стриг ребятишек сам, пользуясь опытом, приобретенным во флоте. Ножницы у него были ржавыми, тупыми и «кусались». «Дети просто боялись стричься»,— говорит миссис Харрисон.

Первые три года у Джорджа в институте были ежедневные неприятности, потом он утихомирился. «Я понял, что лучше всего сидеть молча и не высовываться. У меня сложилась негласная договоренность с некоторыми учителями. Они позволяли мне спокойненько спать на задней парте, а я не нарушал дисциплину». Отец радовался, что учителя наконец-то перестали жаловаться на Джорджа, единственного среди его сыновей получавшего полное среднее образование. Харрисон-старший относился к образованию так же, как и тетя Джона, и отец Пола. Он всю жизнь тянул лямку и в учении видел способ добиться положения в обществе. Люди, пережившие Великую депрессию тридцатых, хорошо знали цену стабильному заработку.

Джордж и «Кворримен»

В детстве Джордж тоже музыкой не увлекался. «Но вдруг — ему как раз исполнилось четырнадцать — Джордж сказал: «Один парень в нашем классе купил гитару за 5 фунтов. Он отдает ее мне за три. Можно взять?» Я согласилась: тогда у меня был кое-какой заработок. Джордж пытался научиться играть самостоятельно,— рассказывает мать,— но у него ничего не получалось, и он повторял: «Я никогда не научусь». А я отвечала: «Научишься, сынок, научишься, только стой на своем». И он стоял на своем и разбивал пальцы до крови. «И у тебя все получится»,— утешала я его. Частенько мы засиживались до полуночи, и каждый раз, когда он говорил, что ничего не выйдет, я отвечала: «Все получится, все получится, сынок».

Однажды Джордж пришел домой и сообщил, что будет выступать в клубе Британского легиона. Я сказала: «Ты, похоже, рехнулся. У тебя даже нет группы!» Он ответил: «Не беспокойся, будет».

Для этого выступления Джордж действительно организовал группу. Его брат Пит играл на гитаре, друг Артур Келли тоже на гитаре и еще двое на губной гармошке и ящике из-под чая.

«Домой они вернулись страшно возбужденные, все пытались перекричать друг друга. Сперва я не могла понять, что произошло. Потом они показали мне десять фунтов — гонорар за первое профессиональное выступление! Парень, который играл на чайном ящике, выглядел ужасно: пальцы разбиты и весь ящик в крови. В тот вечер они назывались «Rebels» («Бунтари»)».

Но до тех пор, пока Пол не привел его в «Кворримен», Джордж никогда не играл в приличных группах. Джон вспоминает: «Он казался слишком маленьким. Я даже не хотел знакомиться с ним. Джордж выглядел даже моложе Пола, хотя у Пола было такое детское лицо, что он смотрелся лет на десять. Однажды Джордж позвал меня в кино. Я притворился ужасно занятым: с первого взгляда он не пришелся мне по душе...

Мими сказала, что голос у него, как у типичного представителя ливерпульских низов. Она говорила: «Кажется, тебе всегда нравились выходцы из низших слоев, не так ли, Джон?» Но все же мы предложили Джорджу вступить в группу. Потому что он знал больше аккордов, чем мы. Каждый раз, когда мы разучивали какой-нибудь новый аккорд, мы под него сочиняли и мелодию. Теперь нас стало трое».

Им нужен был барабанщик, но ни один не задерживался надолго: с Джоном мало кто мог ужиться. Слишком уж он был ехидным.

Джон пытался наладить связи с шоубизнесом, где массовое увлечение группами превращалось в звонкую монету. Однако это оказалось нелегко: «Кворримен» были не единственной и далеко не лучшей группой.

Джон в художественном колледже

Джон появился в художественном колледже осенью 1957 года, надев по сему случаю свои самые узкие джинсы и самый длинный пиджак. Чтобы улизнуть от Мими, ему приходилось для маскировки надевать поверх джинсов брюки нормального покроя, которые он потом снимал на автобусной остановке.

«В художественном колледже мне пришлось туго. Я никогда не любил систематических занятий. Поэтому мне казалось, что лучше всего учиться на оформителя. Но меня запихнули на специализацию по подписям к плакатам. Я не проявил к этому делу ни малейших способностей. С таким же успехом меня можно было записать на курсы парашютистов.

Я и сам толком не знал, чего хотел...»

15 июля 1958 года мать Джона, Джулия, погибла в автомобильной катастрофе. Миссис Харрисон вспоминает, как сильно он тогда изменился: «За несколько месяцев до смерти Джулии Джон сказал Полу: «Как ты можешь спокойно сидеть, когда твоя мать умерла? Я, наверное, сошел бы с ума». Когда погибла Джулия, он казался спокойным, но я очень за него волновалась. Я заставила Джорджа сходить к Джону и убедиться, что Джон будет играть в группе, и вообще, вытащить его из дома, чтобы он не слишком тосковал. Даже в те далекие дни они заботились друг о друге и помогали друг другу, как могли».

Смерть матери сблизила Джона с Полом еще больше. Но соученики Джона по художественному колледжу считают, что он стал в своих шутках куда злее.

В жизнь Джона вошли два новых человека. Стюарт Сатклифф учился с Джоном на одном курсе, он считался очень талантливым и перспективным. Худощавый и вечно взвинченный, он поражал всех резкостью и независимостью суждений. Джон был в восторге от способностей, знаний и артистического чутья Стю.

Стю не играл, да и не разбирался в поп-музыке, но он буквально загорался, когда играл Джон (Джордж и Пол ревниво восприняли новое увлечение Джона).

Цинтия Пауэлл тоже училась вместе с Джоном. «Она была такая тихоня. Почти весь первый год мы даже не замечали друг друга. У нас были разные компании: она — из приличной семьи с другого берега Мерси. Мы — горлопаны из Ливерпуля».

Как-то они все же разговорились. «Оказалось, мы оба близорукие! Поговорили о том о сем... Потом я стала приходить на занятия пораньше и садиться за ним. Я и не думала навязываться!»

Следующий разговор произошел уже на втором курсе, во время рождественских праздников. После этого они встречались каждый вечер и часто ходили в кино.

«Я побаивалась его, он был ужасный грубиян. Но и я не собиралась уступать. Мы постоянно ругались».

«Я психовал по любому поводу. Я ревновал ее к каждому. Я был неврастеником и все срывы вымещал на ней».

И однажды она ушла.

«Но я не мог без нее и позвонил».

«А я сидела у телефона и ждала звонка».

Продолжение следует

Перевели с английского Л. ЛОЗНЕР и Б. НАЛИБОЦКИЙ

Рис. Н. БЕНУА

День, когда исчезли дети

Хью ПЕНТИКОСТ, американский писатель

Глава 4

Новость распространялась, как пожар в сухом лесу. Вокруг муниципалитета собралась большая толпа. Хэвиленд сразу же послал за президентом местного банка, так как понимал, что родители не смогут заплатить такой выкуп.

— Давайте с самого начала,— предложил Хэвиленд.

Дженнингс упал в кресло.

— Я не ложился в постель, а сидел около телефона. Должно быть, я задремал, потому что звонок разбудил меня.— Он облизал пересохшие губы.— Я снял трубку, и чей-то приглушенный голос попросил позвать Дженнингса.

— Ты узнал голос, Уоррен? — спросил Карл Диклер, небритый, с налитыми кровью глазами.— Это был Джерри Махони?

— Голос звучал приглушенно. Будто говоривший прижал к трубке носовой платок. Это мог быть кто угодно.

— И что он сказал? — спросил Хэвиленд.

Продолжение. Начало см. в № 7 за 1983 год.— Примеч. ред.

— «Если вы хотите увидеть своих детей, соберите пятьсот тысяч, купюрами по десять и двадцать долларов». Я ответил, нам негде взять такие деньги. «Вы их достанете, если хотите увидеть детей»,— повторил голос. «А где гарантии, что дети живы и здоровы?» — спросил я. «Вы должны верить»,— ответил голос. И добавил, что позвонит позднее и скажет, куда отвезти деньги.

— Все как по книжке,— пробурчал Хэвиленд.— Приглушенный голос, короткий разговор. Должно быть, они сотню раз видели все это по телевизору.

— Что же нам делать? — в отчаянии воскликнул Дженнингс.— Мы не сможем собрать таких денег. О господи! — Он закрыл лицо руками.

— Мы можем подключиться к телефону Дженнингса,— сказал шериф Пибоди,— и если они позвонят снова...

— Бесполезно,— прервал его Хэвиленд.— Дженнингсу больше никто не позвонит. Они свяжутся с кем-то еще, с вами, с родителями других детей. И скажут всего несколько слов, так что мы не успеем их выследить. Они не дураки.

— Почему они? — вмешался Карл Диклер.— Держу пари, это Джерри Махони. Он знает наши телефоны. Каждую осень он охотится и облазил все окрестности. И легко найдет место, где сможет без хлопот забрать деньги.

— Какие деньги? — Дженнингс даже осип.— В лучшем случае я наскребу тысячу долларов. А ты, Диклер?

У Диклера дернулась щека.

— Пять, если заложу дом.

— Нам повезет, если мы наберем двадцать тысяч. Они же просят пятьсот.

— Они знают, что у вас нет таких денег,— ответил Хэвиленд,— но уверены, что город вам поможет. Многие состоятельные жители Клейтона не захотят, чтобы потом их попрекали смертью детей. Во всяком случае, похитители на это рассчитывают.

— О боже! — прошептал Диклер.— Вы думаете...

— Они хотят, чтобы мы так думали,— кивнул Хэвиленд.— У нас есть немного времени. Через час вертолеты поднимутся в воздух. Банк откроется через два часа. Полмиллиона долларов может быть только там, да и то в крупных купюрах. А за десяти- и двадцатидолларовыми придется посылать в другие города. Думаю, они не позвонят раньше полудня. Постараемся использовать это время с максимальной пользой.

— Для чего?

— Чтобы найти способ собрать деньги. Чтобы продумать наши действия на тот случай, если мы их соберем.

— Я вспомнил,— воскликнул Дженнингс.— Они сказали, если деньги будут помечены, забудьте о детях.

— Мы можем пометить их так, что никто и не узнает,— сказал шериф Пибоди.— Мы запишем номера каждой купюры. И предупредим всех кассиров в радиусе тысячи миль, чтобы...

— Нет! — взревел Диклер.— Если мы достанем деньги, то сделаем все, что они захотят. Это наши дети, мистер Пибоди.

Джошуа Кардвелл, президент клейтонского банка, не верил своим ушам.

— Теперь поговорим о технике дела,— продолжал Хэвиленд.— Сколько потребуется времени, чтобы собрать в вашем банке полмиллиона в купюрах по десять и двадцать долларов?

— Нам придется обращаться в банки других городов, как минимум нам нужен день.

— Мы должны успеть до полудня. Из банков других городов деньги привезут патрульные машины. Вам достаточно позвонить туда, а транспортировку мы обеспечим.

— Это ускорит дело,— кивнул Кардвелл.— Но мы не можем дать полмиллиона людям, которые никогда не возместят нам эту сумму. Я — президент банка, а не филантроп.

— Вы знаете свой город лучше, чем я,— ответил Хэвиленд.— Но мне известно, что в Клейтоне и Лейквью есть состоятельные люди, владельцы фабрик, каменоломен. Выкуп придется платить им. Я не могу гарантировать, что мы вернем деньги, хотя обычно похитителей ловят до того, как они успевают их потратить. Но, допустим, нам это не удастся. Речь идет о жизни детей, мистер Кардвелл. Вы же не хотите, чтобы весь мир говорил о том, что Клейтон не счел нужным спасти их от смерти?

— Но полмиллиона долларов!

— А если бы среди них был ваш ребенок?

Кардвелл промолчал.

— Напишите мне имена ваших клиентов, кто сможет внести по пятьдесят тысяч,— продолжал Хэвиленд.— Я поговорю с ними. А потом передам прессе список тех, кто протянул детям руку помощи,— он взглянул на Кардвелла.— И тех, кто отказал мне.

Президент банка заерзал в кресле.

— Ну, в Клейтоне действительно наберется человек десять-двенадцать... Я бы начал с Тома Моуэрса, владельца...

— А я думал, что начать надо с вас, мистер Кардвелл,— прервал его Хэвиленд.— Расследуя убийство в Джонсвилле, я приезжал в большой особняк на холме. И помню процветающие фермы и плавательный бассейн.

Кардвелл напоминал рыбу, вытащенную из воды.

— Но вы уверены в том, что поймаете похитителей?

— Мы сделаем все от нас зависящее,— ответил Хэвиленд.

Хэвиленд оказался прав. Дюжина патрульных машин привезла деньги из различных городов штата. К одиннадцати часам полмиллиона долларов в купюрах требуемого достоинства лежали в банке.

К часу дня напряжение достигло предела. Карл Диклер оставил у телефона жену, а сам пришел к Хэвиленду. Каждые полчаса поступали доклады пилотов вертолетов. Автобуса нигде не было.

Они позвонили в два часа дня. На этот раз в ресторанчик Джо Гормана.

— Слушайте внимательно,— сказал приглушенный голос.

— Тихо! — заорал Горман.— Это они!

В переполненном зале наступила мертвая тишина.

— Вы собрали деньги?

— Да,—ответил Горман.

— Положите их в чемодан и ты, Горман, и только ты, отвезешь их к телефону-автомату на дороге № 17, около ресторана Хеллстрема. Тебе позвонят и скажут, что делать дальше.

— Я должен поговорить с кем-нибудь из детей. Я не могу отдать деньги, не услышав голос ребенка!

В ответ раздались лишь короткие гудки. Горман помчался в муниципалитет.

— Мы можем установить надзор за рестораном,— предложил Мейсон.

— Они узнают об этом,— Хэвиленд потянулся к телефону.— Какая у вас машина, Джо?

— Темно-зеленый «джип». С верхом.

— Нарисуйте на крыше кабины белый крест.— И Хэвиленд начал набирать номер.

— Зачем? — спросил Мейсон.

— Мы не можем открыто следить за Горманом, а вертолеты увидят его издалека,— ответил детектив.— Вы поедете к Хеллстрему и будете ждать звонка. Не оглядывайтесь и не смотрите в небо. Получив инструкции похитителей, отвезите деньги куда требуется. Пилот вертолета будет держать вас в поле зрения и увидит, кто придет за деньгами.

— Могу я спросить, где мы найдем детей?

— Спросить вы можете, но они вам не ответят. Получив деньги и уехав из Клейтона, они, возможно, сообщат нам, где спрятаны дети. Если,— Хэвиленд нахмурился,— они собираются вести честную игру.

— А если нет?

— Тогда мы решим, что предпринять. Ваша задача — передать деньги. Удачи вам, Джо, и не теряйте голову.

Крест нарисовали, черный чемодан с деньгами положили на заднее сиденье, Джо Горман сел за руль, и «джип» тронулся с места.

Ресторан Хеллстрема находился в шести милях от Клейтона. Оставив «джип» на стоянке, Горман вытащил чемодан и пошел к стеклянной телефонной будке. В вышине слышалось стрекотание вертолетов.

Прошло двадцать минут, а телефон молчал. По спине Гормана, несмотря на мороз, катился пот. Какого черта они не звонят?

Прошло полчаса. Издалека донесся вой полицейской сирены. К будке подъехал Телицки.

— У нас ничего не вышло.

— То есть?

— Они узнали про белый крест. Они звонили Хэвиленду. Мы должны отвезти деньги в город. Они сказали, что дадут нам еще один шанс.

— Как они узнали о наших планах?

— Хэвиленд думает, что кто-то наблюдает за нами.

— Но в городе нет незнакомцев,— удивился Горман.— Мы бы сразу заметили нового человека.

— Это точно,— насупился Телицки.— Хэвиленд считает, что с похитителями связан кто-то из местных жителей.

— Кто же?

— У Карла Диклера на этот счет нет сомнений. Он твердит, что детей похитил Джерри Махони, а Пат и Лиз Диринг держат его в курсе событий.

Глава 5

Хэвиленд все больше склонялся к тому, что похитителями могли быть только местные жители: каждый шаг преступников указывал на то, что они прекрасно осведомлены о внутренней жизни Клейтона. Время отъезда автобуса от школы, его маршрут не составляли для них тайны. Так же, как и полная уверенность в том, что город найдет возможность собрать выкуп. Выбор Клейтона и его школьников определялся тем, что в этом городе похитители чувствовали себя как рыба в воде. И вполне возможно, среди тех, кто улыбался и предлагал свою помощь, были люди, сводящие на нет все усилия.

Телицки с чемоданом и Горман вошли в кабинет.

— Клянусь богом, я делал все, что они велели,— воскликнул Горман.

— Я в этом не сомневаюсь,— кивнул Хэвиленд.— Я, кстати, удивлен тем, что они захотели получить деньги днем. Только глухой и слепой мог не заметить вертолетов. Я ожидал, что деньги придется отвозить ночью, когда мы не сможем следить за вами, а похитители, получив выкуп, без труда скроются незамеченными. Но нам не оставалось ничего другого, как выполнять их инструкции. В общем, я предполагал исход вашей поездки.

— И что вы намерены предпринять? — спросил Карл Диклер.

— Нам остается только ждать.

— Нет, мне это не подходит. Я пойду к Пату Махони и заставлю этого старикашку объяснить мне, что происходит.

— Ты сошел с ума,— рассердился Крейвен.— Махони не имеет к этому никакого отношения.

— Тогда назови мне кого-то еще,— заорал Диклер.— Скажи мне, кто похитил наших детей.

В кабинете повисла тяжелая тишина. Хэвиленд встал.

— Пожалуй, мне пора поговорить с мистером Махони и этой девушкой. Вы с нами не пойдете, Диклер. Вы слишком возбуждены. Я хочу, чтобы вы вернулись домой и ждали у телефона. В следующий раз они могут позвонить вам. Телицки, вы останетесь здесь. Сержант Мейсон, вы пойдете со мной.

Лиз Диринг беспокоилась не только за Джерри, но и за Пата. Тот, казалось, оборвал все нити, связывающие его с настоящим, и с головой ушел в прошлое, рассказывая бесконечные истории о годах, проведенных на эстраде. Имя Великого Тарстона не сходило с его уст. Пат вспомнил все его карточные трюки, номер с женщиной, которую распиливали пополам, и то незабываемое впечатление, которое произвело на Нору выступление знаменитого фокусника. Попытки Лиз вернуть его к настоящему оканчивались лишь очередным рассказом о прошлом.

И когда на дорожке послышались твердые шаги и в дверь постучали, Пат был на чердаке, среди костюмов и афиш давно ушедших дней. Открыв дверь, Лиз увидела сержанта Мейсона и высокого незнакомца в очках.

— Вы их нашли? — с надеждой спросила она сержанта.

Тот покачал головой.

— Пока нет. Мы не смогли отдать деньги. Они обещали, что позвонят еще раз.— Он представил Хэвиленда, который снял шляпу и поклонился.— Мы хотим поговорить с тобой и Патом.

— Пат на чердаке, копается в старом хламе. Я... я хотела бы кое-что рассказать вам о нем.

— Где ты была, когда Джо Горман повез деньги? — спросил Мейсон.

— Здесь, с Патом. Я не решалась его оставить. Джимми Крейвен позвонил нам и сказал, что Джо уехал с выкупом к ресторану Хеллстрема, а Пат... Пата это не интересовало.

— Мы хотели бы поговорить с ним.

— Сначала мы поговорим с мисс Диринг,— вмешался Хэвиленд.— Можно нам войти?

Лиз провела их в гостиную. Хэвиленд с интересом разглядывал фотографии звезд эстрады, многих из которых он видел на сцене.

— Первым делом я хочу отметить, мисс Диринг, что мы все больше убеждаемся в причастности к похищению кого-то из местных жителей.

— Но это невозможно!

— Наоборот, невозможным кажется любое другое предположение. И многие, знаете ли, уверены, что в этом деле замешан Джерри.

— Это безумие, мистер Хэвиленд!

— Мы обязаны учитывать все аспекты.

Лиз Диринг пристально посмотрела на детектива.

— Вы не знаете Джерри, мистер Хэвиленд. Иначе вам было бы стыдно за ваши слова.

— Вы сказали, что Крейвен звонил вам? — спросил Мейсон.

— Да.

— Он говорил о белом кресте, нарисованном на крыше «джипа» Гормана?

— Белом кресте?

— Да, чтобы вертолеты могли опознать машину.

— Нет. Он только сказал, что Горман повез выкуп и дети и Джерри скоро будут с нами.

— И за деньгами никто не пришел?— раздался мужской голос.

Хэвиленд оглянулся. Пат не мог не удивить его. Модный костюм, яркие жилетка и галстук, кольцо с большим сверкающим камнем казались совершенно неуместными в маленьком провинциальном городке.

Мейсон представил детектива.

Глаза Пата блеснули.

— Вы нашли убийцу в Джонсвилле, не так ли? Отличная работа.

— Благодарю,— улыбнулся Хэвиленд.

— Присядем, друзья.— Пат опустился в кресло.— Возможно, Лиз приготовит нам кофе, если мы хорошенько попросим ее об этом.

— Вы, должно быть, беспокоитесь за сына,— сказал детектив.

На мгновение маска отрешенности слетела с лица Пата.

— А как же иначе? — хрипло спросил он и тут же, вернувшись в роль, хихикнул.— Значит, они не взяли деньги?

— Тут наша вина. Мы следили за Горманом, и они это заметили.

— Поэтому вы и пришли к выводу, что в похищении замешан кто-то из местных жителей?

— Да.

— А вы выяснили, каким образом автобус исчез с шоссе у озера?

— Нет.

— Впрочем, наверное, это уже не имеет значения. Гораздо важнее то, что должно произойти.

— Вы имеете в виду получение выкупа и освобождение детей и Джерри?

— Если это то, что должно произойти,— вновь хихикнул Пат.

Его смешки начали действовать Хэвиленду на нервы. Может, старик действительно что-то знает?

— У вас есть версия относительно того, что нас ждет в ближайшем будущем? — спросил детектив, едва сдерживая раздражение.

— Вы когда-нибудь видели Великого Тарстона из цирка Кейта-Орфбаума?

— Боюсь, что нет.

— Величайший фокусник всех времен. Впервые я видел его в Сиукс-Сити...

— Возвращаясь к нашему делу,— перебил его Хэвиленд,— я бы хотел знать, что вы думаете...

— Ничего я не думаю. Но знаю, что должно произойти.

— Что же? — Хэвиленд наклонился вперед.

— Одно из двух,— ответил Пат.— После того как выкуп будет заплачен, но детей и Джерри вам не вернут, все жители бросятся искать автобус в озере, хотя и знают, что его там нет, и в придорожном лесу, где его также не будет. Это один вариант. А второй: все останутся дома, ожидая нового контакта с похитителями. Но результат будет один и тот же, не так ли?

— Результат?

— Конечно. Никто в Клейтоне не выйдет на работу. Все будут искать пропавший автобус или сидеть по домам.

— И...

— Так кому от этого будет польза?

Хэвиленд вдавил окурок в пепельницу.

— Никому. Каменоломни потеряют часть прибыли. Так же, как и владельцы магазинов и прочих мелких предприятий.

— Вы меня не поняли, мистер Хэвиленд,— покачал головой Пат.— Исчезновение автобуса — фокус. Фокусник заставляет людей видеть то, что он хочет, действовать согласно его желаниям.

— Фокусник?!

— Если бы мы знали секрет фокуса, дети давно были бы с нами.

Вошла Лиз с чашечками дымящегося кофе.

— Честно говоря, я не понимаю, куда вы клоните.

Пат усмехнулся.

— Так вы сказали, что никогда не видели Великого Тарстона?

— Нет, не видел.

— Ну, скоро вы все поймете. Если похитителям нужно, чтобы жители Клейтона остались дома и ждали, они останутся дома и будут ждать. Если они захотят, чтобы люди искали детей,— в городе не останется ни одной души. Ах, какой кофе, Лиз! Сержант, подвиньте стул и садитесь. Между прочим, мистер Хэвиленд, хотите пари?

— Я не люблю спорить на деньги.

— Так вот, держу пари, что завтра днем все будут искать детей в озере и в лесу, даже если вы прикажете им остаться дома.

— Послушайте, Пат, если вы что-то знаете...

Но Пат уже вернулся в прошлое.

— Выступление Великого Тарстона в Сиукс-Сити произвело на Нору такое впечатление, что по ее просьбе я зашел к нему после представления. Он не стал слушать мои комплименты, но сказал, что в восторге от пения Норы. Назвал ее настоящим соловьем. Я попросил его поделиться со мной секретом каких-нибудь простых фокусов: мы могли бы использовать их в нашем номере. Он отказался, но объяснил мне принцип, на котором строятся все фокусы.

— Сахар? — спросила Лиз Хэвиленда. «Бедный старик»,— думала она.

— Главное — заставить зрителей думать только о том, что нужно фокуснику, и видеть лишь то, что он разрешает им видеть.— Пат встал.— Кстати, мистер Хэвиленд, я хотел вам кое-что показать.

Он пошел к лестнице, ведущей на чердак. Хэвиленд как зачарованный последовал за ним.

Глаза Лиз наполнились слезами.

— Он сошел с ума. Вы знаете, что он хочет показать мистеру Хэвиленду?

Мейсон покачал головой.

— Ковбойский костюм,— Лиз села на кушетку и заплакала.— Пат хочет показать ему ковбойский костюм, в котором он выступал в Сиукс-Сити.

Продолжение следует

Перевел с английского В. ВЕБЕР

На Шумаве встречаются лучшие — вот такие славные ребята и девчата, как на снимке, помещенном на первой странице обложки. Здесь они учатся, ходят в походы, устраивают конкурсы и соревнования. Их связывает все — и молодость, и разнообразие интересов, и работа в рядах Социалистического союза молодежи Чехословакии.

Фото Мирослава ЗАЙЦА

В НОМЕРЕ:

Адрес редакции: 125015, Москва, ГСП, Новодмитровская ул., 5а. Телефон 285-89-78. Перепечатка материалов разрешается только со ссылкой на ежемесячник.

Сдано в набор 15.06.83. Подп. к печ. 14.07.83. А00158. Формат 84×108 1/16. Печать офсетная. Усл. печ. л. 3,36. Уч.-изд. л. 5,4. Тираж 900 000 экз. Цена 35 коп. Заказ 990.

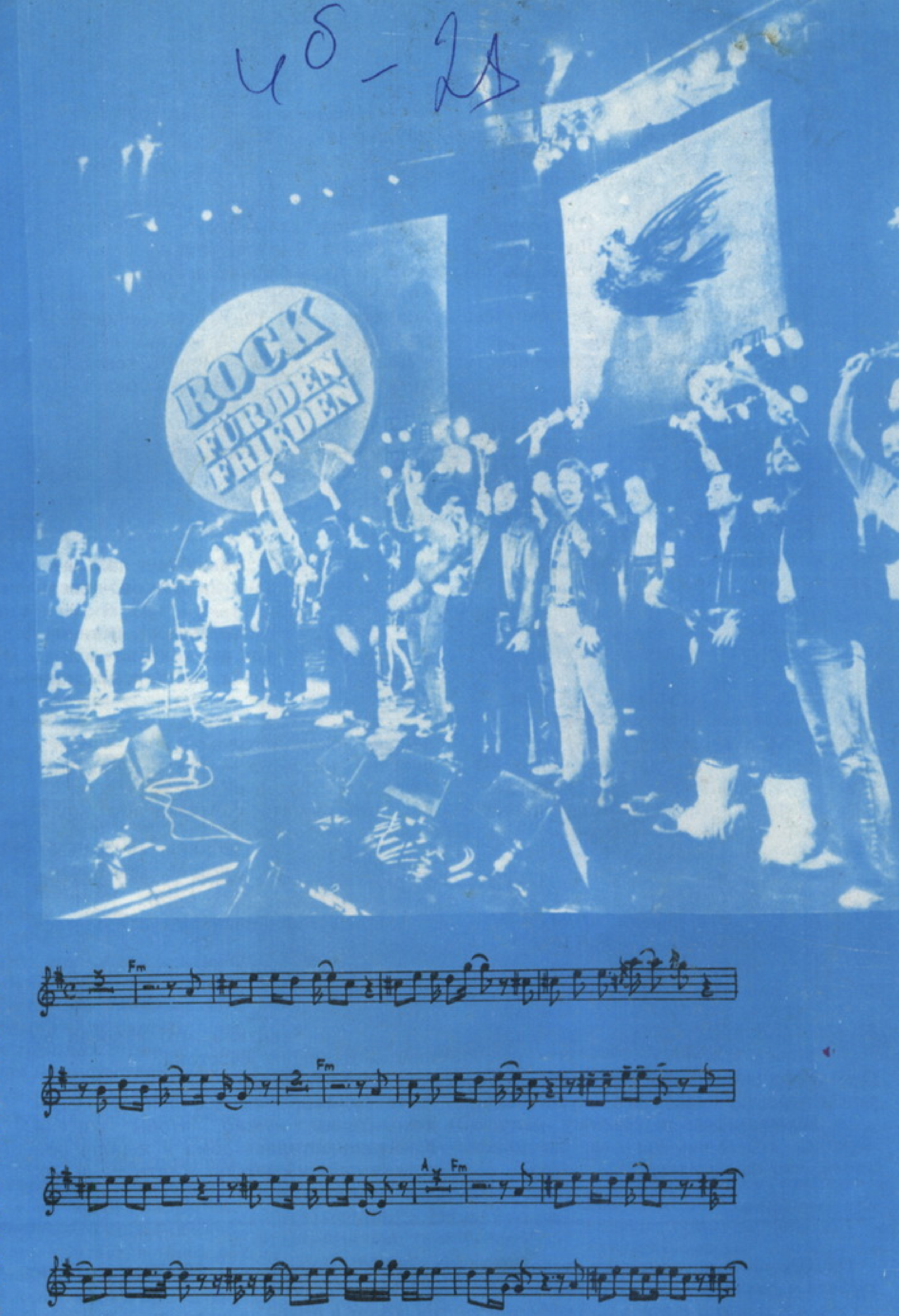
Типография ордена Трудового Красного Знамени издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии: 103030, Москва, К-30, ГСП-4, Сущевская ул., 21.

Wir könn' uns gehen lassen
Sagen: Ist egal
Dann werden wir vergehen
Wir haben keine Wahl

Wir geh'n mit grosser Hoffnung
Und der Grat ist schmal
Hinüber in den Frieden
Wir haben keine Wahl

Was hält uns auf der Erden
Glück- und Jammertal
Muss eine Heimat werden
Wir haben keine Wahl

Drum bleibet beieinander
Brüder ohne Zahl
Und weichet keinen Meter
Wir haben keine Wahl

«Всякое произведение искусства, создаваемое из искренних и честных побуждений,— политично. На Западе существуют «Рок против правых», «Рок против расизма». Мы же прежде всего выступаем за прочный, надежный мир для всего человечества. Об этом мы и поем в наших песнях» — эти слова принадлежат музыкальному руководителю берлинского ансамбля «Монди» Томасу Шмидту. Его высказывание, сделанное во время международного фестиваля «Рок за мир» (он состоялся в этом году в Берлине), а также песню группы «Монди» «Другого выбора нет» прислал в редакцию «Ровесника» наш читатель из ГДР, музыкальный критик Райнер Братфиш.

«Нельзя быть равнодушным и просто жить, как живется, потому что мир в опасности. Мы все должны сплотиться и идти одной дорогой — дорогой мира. Другого выбора нет»,— поется в этой песне.

Индекс 70781
Цена 35 коп.